

любовный детектив

Елена АРСЕНЬЕВА

Крутой мэн и железная
леди

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

Крутой мэн и железная леди

«Автор»

2004

Арсеньева Е. А.

Крутой мэн и железная леди / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2004 — (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 5-699-07706-5

Очередные безумные приключения писательницы Алены Дмитриевой начались с посещения ночного клуба «Барбарис». Там с ней познакомился некий Влад и навязался в провожатые. А на крыльце ее дома в него кто-то выстрелил. Влад потерял сознание. Его увезла «Скорая». Той же ночью Алена получила нелепое послание по электронной почте, а потом на радиопередачу, в которой она участвовала, позвонил какой-то псих и сказал, что собирается напомнить ей о забытом друге. Шифрованные письма и звонки стали поступать с тревожным постоянством. Алена заинтригована и... напугана. Но ждать, чем все это закончится, она не намерена, и обязательно доберется до негодая! Ведь злодей еще не знает, что больше всего на свете писательница любит разгадывать загадки и весьма в этом преуспела!..

ISBN 5-699-07706-5

© Арсеньева Е. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена АРСЕНЬЕВА

КРУТОЙ МЭН И ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ

Vyt bcrjdtfrfk ;bpym nfkfyn ldjqyjuj phtymz///¹
U/ Bdfyjd

* * *

*Из истории
блужданий моей души*

Человеческий разум – тихое, теплое, мутное болотце, в котором мельтешат головастики – мысли. Отвратительный беспорядок!

Такой же беспорядок царит в мире обыденности. Дремучий, темный лес. По-хорошему, мои письма к тебе следовало бы назвать «Из истории блужданий моей души в мире обыденности». Однако я остановлюсь на слове «души», потому что оно способно и сбить тебя с толку и в то же время наставить на путь истинный. Это слово – первый шаг к разгадке тех загадок, которые я намерен перед тобой поставить. Рано или поздно ты поймешь, ты всё поймешь...

Поймешь ли?..

Думаю, да. Все-таки положение обязывает!

В крайнем случае – в самом крайнем! – я сам открою тебе глаза. Но – лишь за миг до того, как закрыть их навеки...

Да, всё просто, мое условие сурово, но непрекаемо: или ты разгадаешь мои загадки сама и тогда останешься жива, или узнаешь правду перед тем, как в последний раз вознегодовать, что мгла, закрывавшая твой разум, так и не рассеялась и не дала тебе возможности познать счастье.

Мне будет жаль, если...

Мне УЖЕ очень жаль.

* * *

– Слушай, я тебя умоляю! – сказал он прочувствованно. – Не носи никогда брюки, ладно? Это же просто преступление против человечества – прятать под брюками такие ноги...

– Эй ты, предатель! – перебил его срывающийся мальчишеский голос. – Я тебя убью!

Он удивленно обернулся, пытаясь разглядеть кричавшего, но не увидел ничего, кроме подступившей к фонарю черемухи, мерно шевелящей тяжелыми, белыми, благоуханными гроздьями.

Пожал плечами. Почему предатель? Вроде бы он никому не успел испортить жизнь в этом дворе, тем паче – какому-то пацану. Сам-то он давно уже вышел из мальчишеского возраста. Ну и замашки у здешней шпаны – сразу «убью», главное! За что, интересно? Надо надеяться, это не какой-нибудь малолетний ревнивец-Отелло кричит?

Он хохотнул, довольный своим остроумием. Долговязая Дездемона, из-за которой он сюда притащился, тоже уже вышла из пионерского и даже комсомольского возраста.

Он повернулся к своей спутнице, которая стояла на крылечке несколькими ступеньками выше и нажимала кнопки кодового замка. В эту минуту что-то ударило его в правый бок – да так мучительно-больно, что он шатнулся в сторону, потом вперед и упал на колени, обхватив те самые ноги, прятать которые под брюками он считал преступлением против человечества.

– Бессмысленно, сударь! – насмешливо сказала его спутница, полуобернувшись. – Ничего вам не обломится, напрасно стараетесь!

Он еще успел увидеть ее лицо улыбающимся, прежде чем оно сделалось перепуганным, расплылось перед его глазами и погрузилось в темноту. Несколько мгновений темнота кричала испуганно:

– Что случилось?! Что такое?!

Потом стало тихо.

* * *

– Девушка, вы знаете, кто написал «Тараса Бульбу»?

«Девушка» на миг цепенеет. Для оцепенения у нее имеются как минимум две причины. Во-первых, то, что она не девушка, к тому же довольно давно, видно невооруженным взглядом даже в полусвете, рассеиваемом миганием нарядных фонариков. А во-вторых, «девушку» с таким высоким лбом, ироничными бровями и насмешливым выражением глаз можно запросто спросить о чем-нибудь поинтересней. Строго говоря, ее и спрашивать не надо: она сама так и норовит продемонстрировать свой интеллект. Не далее как вчера, желая подлизаться к паспортистке домоуправления (справочка незначительная понадобилась), она спросила, как сей паспортистки имя-отчество.

– Анна Аркадьевна, – ответствовала та.

– О! – радостно провозгласила «девушка». – Как у Анны Карениной, значит?

Паспортистка почему-то обиделась... до такой степени, что справку сразу не дала, хотя выписывать оную – ровно полторы минуты, а велела зайти через неделю. Возможно, этой Анне Аркадьевне осточертело, что ее сравнивают с печально знаменитой и плохо кончившей (ох, какие двусмысленности так и завертелись в чьей-нибудь скабрёзно настроенной голове!) героиней романа графа Толстого. А возможно – и это верней всего! – не знала паспортистка, кто это вообще такая, Анна Каренина, и чем знаменита, а для некоторых людей осознание своей даже мало-мальской ущербности непереносимо... То есть не к добру, получается, наша «девушка» настолько обременена интеллектом, что он у нее так и лезет во все, пардон, дырки, как иголки и булавки лезли из головы Страшилы Мудрого.

А тут – здарсьте вам! – кто написал «Тараса Бульбу»? Тоже мне, вопросик!

Однако наша «девушка» не только особа эрудированная, но и хорошо воспитанная. Поэтому она поворачивается к спросившему и как ни в чем не бывало сообщает:

– Повесть «Тарас Бульба» написал Николай Васильевич Гоголь. А что? Возможны варианты?

И смотрит на, с позволения сказать, интервьюера.

Это особь мужского пола. Ему примерно столько же лет, сколько ей, а «девушка», повторимся, дама уже не бальзаковского, а пост– и даже пост-пост– бальзаковского возраста. Впрочем, нашей героине больше тридцати пяти никто не дает... с чем мы ее и поздравим, эту особу по имени Елена Дмитриевна Ярушкина, которая предпочитает называть себя Алёной Дмитриевой. Почему – это прояснится несколько позже.

Итак, повесть «Тарас Бульба» написал Николай Васильевич Гоголь. Это аксиома. Однако, похоже, в этом не вполне уверен подошедший мужчина. Давайте будем называть его мэн, это чудное импортное словечко ни к чему не обязывает и в то же время весьма многозначительно. Мужчина – безликое нечто, мэн – человек средних лет, непременно хорошо одетый и уверенный в себе, что автоматически предполагает прочное общественное или бизнес-положение и шуршание пачки долларов или поскрипывание кредитной карточки в бумажнике, а также – непременно наличие дисконтной карты ресторана «Барбарис». Почему именно этого ресторана? Да потому, что действие нынче вечером разворачивается именно здесь, в ресторации

«Барбарис» на улице Рождественской (бывшая Маяковка) в Нижнем Новгороде, где... где всего-навсего празднуется столетие Сальвадора Дали. Такая вот взрывчатая смесь испанского с нижегородским. Суть в том, что директриса «Барбариса» Жанна – страстная любительница Дали в частности и всякого сюрреализма вообще, поэтому сегодня в ее ресторане и воспевается творчество «великого мастурбатора».

Вопрос тоже вполне сюрреалистический – по степени идиотизма. Честно говоря, она, то есть Алёна, подумала, что, спрашивая про автора «Тараса Бульбы», мэн однозначно прикалывается. Поиздеваться решил над одинокой дамочкой с лицом, «обезображенным» интеллектом, но в мини-платье и с рискованным декольте!

Однако после ее «полного ответа» в глазах мэна читается отнюдь не издевка, а уважение:

– Ого! Вы это знаете?!

– А что? – начинает сердиться Алёна. – Кто-то не знает?

– Да практически никто в этом зале, – сообщает мэн, без спросу плюхаясь на свободный стул. – Вы позволите?

– Нет, – отвечает Алёна.

Как вопрос, так и ответ безнадежно запоздали.

– Не верите, что никто не знает? – поблескивает глазами мэн.

Глаза у него довольно узкие, какого-то неопределенного цвета. То ли серые, то ли голубые. Вообще нет в нем ничего особенного: среднего роста, коренастый, с некоторым даже брюшком от переизбытка закаченного в «органон» пивка. Алёна ненавидит пиво и втихомолку презирает его фанатов, даже если они облачены в такие вот элегантные серые пуловеры рельефной вязки из итальянского магазина «Гленфилд». Физиономия, впрочем, у мэна симпатичная, отнюдь не обрюзгая, но с нагловатым выражением, которое свойственно либо самодовольным идиотам, либо успешным нижегородским бизнесменам. И он не лишен чувствительности: увидев, что «девушка» разглядывает его не слишком одобрительно, достает из кармана джинсов очки и цепляет их на нос. Очки ему невероятно идут и мгновенно изменяют эту не слишком-то интересную физиономию, придав ей нечто значительное и даже весьма сексуальное.

Мгновение Алёна и очкастый мэн смотрят друг на друга испытующе, вернее, она смотрит на очки, а мэн заглядывает в ее нескромное декольте. Нет, если кто-то ждет, что она начнет нервно стягивать его края и смущаться, он жестоко ошибается. Во-первых, наша героиня по части бравады может поспорить с любым бретером из романов графа Толстого, прародителя Анны Аркадьевны Карениной, а во-вторых, она уже большая девочка, ее вот так запросто не смутишь. Тут нужны какие-то сильнодействующие средства. Например, если бы один из двух красавчиков, которые сейчас танцуют на сцене самбу, вдруг начал раздеваться... хорошо бы вон тот ослепительный брюнет, что справа, его зовут Игорь... да, тут Алёна смутилась бы, это точно, потому что к Игорю она равнодушна – уже давно и безуспешно. А какой-то там взгляд в глубину декольте... подумаешь, мелочи жизни!

– Видите вон ту компанию? – не унимается мэн. – Спорим, что никто из них не знает, кто написал «Тараса Бульбу»?

Вот же настырный какой, а? И не надоест ему!

Впрочем, Алёна сама принадлежит к числу той дотошной публики, которая норовит установить истину всегда, повсеместно, в любую погоду. Это некоторым образом связано с тем, почему она предпочитает зваться Алёной Дмитриевой, а не Еленой Ярушкиной, однако на эту тему мы опять-таки поговорим чуть позднее, а пока вернемся к «Тарасу Бульбе», гори он синим пламенем... Ого, учитывая зверский финал сей повести, юмор получился довольно-таки черным!

– Спорить я не стану, – говорит Алёна. – Но если вас так уж разбирает, может, пойти и спросить?

– Пошли, – напористо вскакивает мэн, и, не успевает Алёна ахнуть, как он за руку выхватывает ее из кресла и тащит за собой.

Ну да, он и в самом деле среднего роста... вернее, чуточку ниже среднего. А значит, ниже Алёны. Она и вообще-то барышня довольно высокая, плюс к тому практически не спускается с каблучков на грешную землю.

«Вечно ко мне липнут всякие недоростки!» – думает она не без досады, хотя, чего греха таить, прикосновение этой крепкой руки, властно влекущей ее за собой, внушает ей некоторый трепет.

Ибо нет на свете ни одной сильной женщины, которая бы не мечтала быть слабой.

«Интересно, как его зовут? – думает Алёна. – Игорь? О, нет, нет, нет... Только не это! Да и не похож он на Игоря. Игорь – это уникум, нигде в мире нет ему подобного... Наверное, этот дядька – Стас какой-нибудь или Вадик. Бр-р! А может, Алекс? Вот смеху-то было бы!»

Компания, к которой стремится ретивый незнакомец, поделена в соотношении фифти-фифти, причем разместились мужчины и дамы довольно странно: по разным сторонам длинного стола, словно пришли не на гулянку, а на деловые переговоры между амазонками и, с позволения сказать, гетерофобами. На столе немалое количество блюд и бутылок, однако это, судя по всему, не сделало сотрапезников счастливее. Они взирают друг на друга безо всякого удовольствия и поворачиваются к подошедшим с явным энтузиазмом, чая некоторого развлечения.

– Господа, – весело говорит мэн, – мы вот тут с красивой девушкой поспорили: кто написал «Тараса Бульбу»? Не подскажите, а?

Минутная пауза, во время которой вся компания таращится на Алёну. Мужчины явно согласны с определением незнакомца: да, девушка красивая (кстати, она и в самом деле очень даже ничего себе). На женских лицах читается не только отрицание этого очевидного факта, но и презрение: дескать, что ж ты, дылда этакая, простейших вещей не знаешь? «Тараса Бульбу» в средней школе проходят! А впрочем, ты уже настолько давно окончила эту самую школу, что немудрено и подзабыть кое-какие основополагающие истины...

Поставив таким образом на место «красивую девушку» (молча, заметьте себе, не сказав ни единого слова, однако все женщины ведь телепатки!), застольные дамы начинают искать в глубинах своей памяти ответ на поставленный вопрос. И Алёна невооруженным глазом видит, как презрение на их лицах сменяется смятением... они явно не помнят имени автора! Представители мужского пола тоже переглядываются с откровенной растерянностью. Наконец лицо одной из дам (тяжелое, щекастое, тщательно накрашенное) оживляется, и раздается радостный голос:

– Тарас Шевченко! «Тараса Бульбу» написал Тарас Шевченко!

Алёна давится смехом. Незнакомец смотрит на нее снисходительно: поняла, мол? Благодарит компанию «знатоков» и опять же за ручку, как маленькую послушную девочку, ведет Алёну к столику.

– Ну как? – спрашивает торжествующе.

– Впечатляет, – бормочет Алёна. – В жизни бы не подумала... Но это случайность, мы просто на каких-то игнорапусов² нарвались.

И смотрит искоса: заметил мэн чудное словечко или нет? Словечко, увы, не изобретение и не собственность нашей «девушки», оно заимствовано у ее любимого писателя Б. Акунина. Ну и ладно, что, жалко Акунину, если она им немножко попользуется? Словечком, понятное дело, не Акуниным!

– Давай поспорим, что вон те господа тоже не знают? – предлагает мэн, вновь устремляя ищущий взгляд в Алёнино декольте, как если бы эти самые господа находились именно там, в

² От франц. *ignorer* – не знать.

ложбинке меж ее груди, чуточку тронутых загаром (шесть посещений солярия для избавления от зимней унылой бледности).

– Какие господа? – хихикает она, и мэн, не отводя замороженного взгляда, машет рукой куда-то себе за спину.

– Пospорим?

Алёна смотрит на «господ». Кстати: в отличие от многих посетителей «Барбариса», которые по сути своей сущие мизерабли, прикрытые дорогими шмотками, эти трое вполне соответствуют слову «господа». Типичные буржуа с печатью пусть не слишком большого, но прочного достатка и вопиющей добропорядочности: папа и мама, которым слегка за пятьдесят, и дочка, видимо, студентка. И уж кто-кто, но эти трое наверняка знают имя автора «Тараса Бульбы». Папа-то с мамой – совершенно железно, ведь они учились в средней школе еще в те благословенные времена, когда знания в головы ученикам только что палкой не вбивали.

– Пospорим? – настаивает мэн.

Ситуация беспроегрышная. Этот бедолага, окрыленный случайной удачей, физиогномист просто никакой! У «господ» просто-таки написано на лицах, что они принадлежат к почти выродившемуся классу истинных интеллигентов, во всяком случае, людей образованных и начитанных.

– Ну пospорим, – соглашается Алёна, нахально поводя плечами (есть в ней задатки садистки, что да, то да!).

Мэн нервно дергается и спрашивает:

– А на что?

– Ну я не знаю, – пожимает плечами она.

Мэн с усилием переводит дыхание и наконец-то отрывает глаза от дерзкого шевеления ее груди:

– На секс. Спорим? На эту ночь?

Алёна столбенеет.

– Как это? – наконец выдавливает она. – Вот так сразу? Мы даже незнакомы!

– Меня зовут Влад, – сообщает он, нервно потирая руки и явно с трудом удерживаясь, чтобы не дать им воли.

Вот те на! Влад! Жуть какая. Еще похлеще, чем Алекс! И сразу секс ему подавай. Пожалуй, только с Владом она еще и не спала!

– А тебя зовут Алёна, – продолжает Влад. – Я у Жанны спросил: увидел, что она с тобой болтает, ну и спросил, как зовут ее подружку и кто она такая. Жанна говорит: писательница. Правда, что ли?

– А разве непохоже? – поднимает бровь Алёна.

Между прочим, она и в самом деле писательница. Детективщица! Не бог весть какая знаменитая, вовсе даже не особо популярная, но все же не хухры-мухры, полсотни романчиков наваляла – только так. Пишет под псевдонимом «Алёна Дмитриева» и гораздо охотнее отзывается на него, потому что холодного, высокомерного имени своего – Елена – не любит. Как и пушистой фамилии – Ярушкина, ибо эта фамилия напоминает о бывшем муже. *Noblesse oblige*³: Алёна обладает просто-таки патологической склонностью к дедукции с индукцией, к психоанализу и вмешательству в чужие дела. Это уже не единожды доводило ее до неприятностей разного рода, как мелких, так и крупных, иногда почти несовместимых с жизнью. Но после прошлогодних приключений, из которых Алёна еле выпуталась, она малость притихла. На время оставила привычный жанр детектива, занялась дамскими любовно-историческими романами. Очень популярный жанр! Какой-то композитор сказал: если бы исчезла любовь,

³ Положение обязывает (франц.) .

наверное, и музыка бы тоже исчезла! Но и романы как жанр литературы исчезли бы однозначно. А пока и любовь существует, и жанр дамского романа, слава богу, процветает.

Впрочем, это тоже палка о двух концах... Если при написании детективов приходится напрягать свои аналитические способности, то любовные романы требуют разнузданного сексуального воображения. С этим самым воображением у Алёны тоже все в порядке, оно достаточно разнузданное и в то же время утонченное, но вот ведь беда какая: количество фантазий иной раз переходит в качество и требует своего воплощения, а жизнь складывается в последнее время так, что воплощать их совершенно не с кем! Молодой любовник Алёны недавно получил выгодное предложение поработать за границей и уехал... с явным намерением больше не возвращаться. Расставалась с ним Алёна очень нежно, но без слез, более того – едва сдерживая облегчение, потому что отношения их с течением времени все больше и больше напоминали семейные, флер романтики порядком истрепался, дальше началось бы сплошное мещанское вульгаритэ, так что в очередной раз оправдалась жизненная установка нашей писательницы: «Всё, что ни делается, делается к лучшему!»

Она какое-то время отдыхала от Алекса (любовника звали Алексом, и это имя своим пижонством раздражало ее до нервного тика, поэтому она чаще называла его просто Псих, так как по роду деятельности он был психолог), тайно и явно мечтая о красавце Игоре и отшивая то одного, то другого претендента занять то самое свято место, которое, согласно пословице, никогда не бывает пусто. Претенденты эти обрушивались из гиперпространства к ногам нашей писательницы совершенно неожиданно, ну буквально на улице приставали! Однако в последнее время поток соискателей ее милостей ощутимо иссяк. Правду сказать, свелся к нулю. Такое впечатление, что гиперпространству надоело посылать кандидатов, которые заведомо будут отвергнуты. Что касается Игоря, он ее вообще в упор не видит. Так что наша барышня заскучала и духовно, и физически.

И вдруг этот провокационный спор! Провокационный... и волнующий!

Алёна – человек мгновенных порывов и решений. И ей нравится Влад, несмотря на его жуткое имя и не слишком-то высокий рост... кстати, блистательный Игорь, по которому она тайно и явно, безутешно и безуспешно вздыхает уже не первый год, тоже не выше ее ростом, и это один из сдерживающих его факторов («Я не могу, когда девушка выше меня!»), не считая разницы в годах. А Влад гораздо больше подходит ей по возрасту, и у него, похоже, нет никаких сдерживающих факторов... и он Алёне в самом деле приятен, особенно в этих его узких очках.

Правда, в постели очков на нем не будет. А почему нет? Можно попросить его не снимать их... хотя потом они свалятся, конечно...

Черт, она что, уже согласна? Но ведь еще нужно поспорить! А шансов поспорить нет никаких!

– Спорим, ну? – настаивает Влад, и самодовольная улыбка трогает его губы.

Кажется, не такой уж он плохой физиогномист. Похоже, он угадал, что спор не так уж и нужен, что Алёна практически готова сдать...

«А вот нет! Нет!» – кричит бес противоречия, который сидит в каждой женщине, а уж в нашей-то героине этих бесов таится ого-го сколько... имя им – легион!

– Спорим! – задорно говорит она, вскакивает и первой идет к столику «господ», предоставляя Владу полюбоваться изгибом ее спины и не менее дерзким, чем декольте, разрезом, с которого нынче вечером очень удачно отлетела сдерживающая его пуговка, так что онный разрез расходится чуть ли не до... чуть ли не до! И ноги, между прочим, у Алёны очень недурны, и походочка волнующая. Ох, как ты будешь облизываться, дорогой Влад, в каких жарких эротических снах будешь вспоминать покачивание этих бедер и колыхание этих грудей, потому что ничего тебе не обломится, не будет у тебя секса с интеллектуалкой: ведь сейчас ты так виртуозно пролетишь со своим дурацким спором!..

– Извините, пожалуйста, господа, – опережает ее Влад. – Мы вот тут с Алёной поспорили. «Тараса Бульбу» кто написал, не подскажете?

«Господа» переглядываются. Возникает минутная пауза, во время которой у Алёны начинает тревожно трепыхаться сердце. Затем дама с полуседыми волосами, в дорогах, очень эффектных очках, в элегантнейшем брючном костюмчике, окидывает покровительственным взглядом супруга, дочку, а также подошедших к столику неучей и невежд – и изрекает:

– Тарас Шевченко!

Немая сцена, как в «Ревизоре», которого, судя по всему, тоже написал Тарас Шевченко...

* * *

Воскресенье какого-то там дня и какого-то года
психолечебница на улице Ульянова горького города Нижнего Новгорода де жур ному доктору от пациента Простилкина Константина (первое отделение)

Предложение узнать себя
Сначала ОСНОВА

Самым лучшим из букетов
Теплым словом без советов
Дам на выбор всех цветов
И любить за вкус готов

Самым лучшим из огарков
От моей свечи-огарка
Бога в путь нам всем огонь
Я для рая русский конь

Ты узнаешь это врач
Перед ночью уж не плачь
Я дебилем сгоряча
Обозвал уже врача

Жду вас доктор в кабинете
Плачет Русь а с нею дети
Надо подвиг совершить
Кто ты есть сейчас решить:
ПРЕДАТЕЛЬ или ЧЕЛОВЕК???

Я здесь почему? Спросите Гоголя!
Короче, тут ясно даже для самого тупого диагноста, что пациенту нужно внимание.
Пишу суть предложения к вам, поскольку я не успею до вашего прихода в отделение приготовить, то есть корректирую свои действия.

Дальше вам все будет ясно
Это просто до безобразия
Надо только ваше внимание
Не торопись!!!

Скажи мне, кто твой друг, – и я скажу, кто тебе загубит жизнь. Скажи мне, кто твоя дочь, – и я скажу, кто тебя бросит. Отцом быть тяжело. Любят только матерей.

Почему я здесь?!

* * *

– Народу не сказать, что полно, но очень прилично, – оживленно заметила Жанна, поглядывая сквозь чуть приоткрытую дверь в зал. – И есть несколько дам, поближе к которым тебе точно стоит подойти. Обрати внимание на столик четыре, семь и восемь: так сидят скучающие красотки, у которых сумочки лопаются от денежек – как мужниных, так и собственных. Причем я совершенно точно знаю, что эти дамы предпочитают блондинов, так что с ними ты можешь не церемониться.

– А парочка джентльменов, которые предпочитают блондинов, сегодня найдется? – спросил Нарцисс.

– Думаю, сколько угодно, – кивнула Жанна. – Но я-то имею в виду дам для твоей работы. Не заставишь же ты джентльменов с тебя фиговые листки срывать! У нас все-таки не настолько авангардное заведение, ты не забывай. А эти дамочки чем хороши? Они и на сцену с тобой взойдут, и денежек в трусики напихают.

– Столики четыре, семь и восемь? – Нарцисс украдкой посмотрел в зал поверх головы Жанны. – Ну, к этим столикам мне никак не подойти, так что, опасаясь, денежки останутся при своих хозяйках.

– Подойти, подойти! – успокаивающе кивнула Жанна. – Когда начнешь работать «Робкого монстра», вполне доберешься до них. А на «Пионере» – да, на «Пионере» придется поработать с кем-нибудь другим.

«Пионер всем ребятам пример!» – это был коронный номер Нарцисса. Он выходил в шортиках, белой рубашечке с красным галстуком, в пилотке, то и дело возносил руку в пионерском салюте... Этаким чистенький мальчишечка! Но что вытворял этот мальчишечка, постепенно освобождаясь от одежды... какой пример он подавал «всем ребятам»!.. Нет, не зря Нарцисс считался в Нижнем восходящей звездой мужского стриптиза и оставил позади даже Северного Варвара, тяжелая, трагичная, навязчивая экзотика которого изрядно напрягала зрителей, вернее зрительниц. А Нарцисс умудрялся пробуждать в них нечто вроде «комплекса Федры» – если вы понимаете, о чем речь!

Нарцисс понимал. Благодаря одной интеллектуальной сучке, которая... из-за которой...

А, да гори она синим пламенем, эта похотливая тварь, стоит о ней подумать, весь кураж пропадает, а ведь ему сейчас работать!

Вот и думай о работе.

– Жанна Сергеевна, а за третьим столом сидит какая-нибудь приличная дама? Только, ради бога, без громилы-мужа, как в прошлый раз!

Жанна проглотила смехок. Да, неделю назад, когда стриптизер Нарцисс показывал в «Барбарисе» свою фишку про пионера, чуть не вышел конфуз. Лишь только он взгромоздил на колени хорошенькой особе в символическом платице то, что мгновенно вылезло у него из-под фигового флажка с портретом маленького, кудрявого и невинного Володи Ульянова (точь-в-точь таким его изображали на октябрятских звездочках в эпоху развитого социализма), из туалета вдруг вернулся не в меру засидевшийся там господин и повелитель дамы и такое устроил... А если учесть, что к тому времени «Пионер» успел задрать ей юбочку – выше некуда – и спустил с плеч бретельки ее платишка... а лифчика под ним не обнаружилось... При этом господин и повелитель был в полтора раза выше Нарцисса и раза в два его шире.

Короче, мог содеяться жуткий скандал: супругу ведь не дано было знать, что Нарцисса женщины интересуют только в связи с содержимым их кошельков! Но всякому-каждому

особенности его мировосприятия не разъяснишь, а если попытаешься, то как бы только хуже не сделать: вдруг, к примеру, нарвешься на воинствующего противника бисексуализма. Так что объясняться Нарцисс не стал, но и наутек не бросился, а дернул за хитрую веревочку – и вдруг его огромный, вызывающе торчащий фаллос начал медленно сдвигаться и буквально таять на глазах у разъяренного супруга. А сам Нарцисс при этом тряс коленками на манер Африка Симона и таращил глаза, изображая жуткий страх. Зал просто-таки валялся со смеху. В конце концов даже сердитый муж перестал сердчать и начал хохотать, глядя на вялую тряпчатку, которая теперь свисала из-под портрета будущего вождя мирового пролетариата.

Что и говорить, вышел Нарцисс из нелегкой ситуации с честью, однако страху и впрямь натерпелся. Он про себя знал, что по жизни ни особенной храбростью, ни даже дерзостью не отличается, нравом смирен и мирен, спорщиков вечно пытается примирить, обиженных утешить, а в стриптизеры подался вовсе не от повышенной сексуальной озабоченности, а просто потому, что за это хорошо платили.

То есть это ему сначала так казалось...

Богатенькие дамочки липли к нему, как мухи к меду, и не жалели денег, чтобы заполучить красивого парня в свои одинокие койки. Спать с женщинами – это для него был бизнес и больше ничего. Нарцисс никому не отказывал, в постели очень старался, но... повторные предложения получал не всегда. Что и говорить, попадались ему мазохистки, которые приходили в восторг от внезапного превращения милого мальчика в отъявленного грубияна и садиста! Но в основном-то дамы пугались такой метафорфозы и чуть ли не в страхе дожидались утра. Разумеется, Нарцисс на них с кулаками не бросался, бить не бил, душить не душил и зубами в нежные тела не впивался, однако видно было, что он с трудом, с великим трудом сдерживает себя, чтобы не причинить женщине боли, чтобы не избить ее, а то и не прибить до смерти. Что-то вспыхивало в разгар ласк в его светлых, холодноватых глазах... такой бенгальский огонь там начинал полыхать, сверкать, искриться, что некоторые слишком чувствительные особы с криком отталкивали красавчика, за секс с которым выложили кругленькую сумму... С женщин он брал не слишком-то дорого, всего сто долларов в час и, хотя евро с некоторых пор превалировал над долларом, Нарцисс по-прежнему оставался верен баксу.

– Обычно с мужиком ждешь оргазма, а с тобой я ждала смерти, – сказала ему одна дама, как раз из тех, которые любили экстремалку, жаждали острых ощущений и даже сами еще крепче сжимали его руки на своих горлышках, убежденные, что асфиксия усиливает наслаждение.

Черт, дуры, они ведь не знали, что не их он душил, не их избивал, не на их телах норовил оставить как можно больше синяков, не их крики и стоны давил жесткой ладонью так, что кровавил пальцы о острые зубки!..

– Гри-иш! Гриша, ты меня слышишь или нет?

Нарцисс с трудом перевел дыхание и расклеил стиснутые губы:

– Да, Жанна Сергеевна, извините, я тут малость... отвлекся. Что вы говорили, простите, пожалуйста?

– Я как раз про третий столик. Там сидит вполне подходящая дама, причем как раз любимого тобой возраста. Правда, с ней нужно соблюдать некоторую дистанцию, совсем раздеть ее тебе вряд ли удастся, но до определенных пределов она подыграет с удовольствием. Ну, ты сам поймешь, когда лучше остановиться, не мне тебя учить. Не волнуйся, вырваться она не будет: ее бывший бойфренд почти твоих лет, ну, может, на годик постарше. Кстати, она сейчас свободна, так что, если захочешь, можешь попытаться. Это моя подруга, между прочим. Чудная баба, умница... ехидна, конечно, еще та, но в общем-то ничего, не слишком стервозная. Правда, она по одному парню из моего шоу-балета сохнет, но это полная безнадега, так что попробовать можешь запросто. Ну, поработаешь с ней – сам решишь. Посмотри, она сидит очень удобно: одним рывком ее можешь из кресла вытащить, но мой совет: лучше перед ней

сначала немножко потанцуй, она дамочка не простая, любит реверансы всякие. Впрочем, ученого учить – только портить, ты и сам все это знаешь.

– Погодите, Жанна Сергеевна, я оценю диспозицию.

Жанна посторонилась, Нарцисс принял к приоткрытой двери, через которую выходили на сцену артисты.

Третий столик как раз напротив, но он пуст. Хотя нет, возвращается дама... но она не одна, Жанна что-то напутала.

– Черт... – вдруг выдохнул Нарцисс. – Черт, черт...

Его даже ознобом пробрало. Длинноногая дама в зеленом платье весело качала головой и выставляла ладонь, пытаясь удержать хотя бы на символическом расстоянии своего спутника, а он все норовил обнять ее за плечи и поцеловать в шею. Нарцисс смотрел на этого коренастого светловолосого мужика в узких, задорно поблескивающих очках и тугих джинсах... смотрел на эту парочку и чувствовал, что сейчас задохнется от бессильной ярости, от ненависти – и, главное, от страха.

Да, ему было страшно, страшно до тошноты! Разумеется, он боялся не этой особы с игриво мелькающими коленями и загадочными глазами, не этого мужика в широких, накачанными плечами. Он боялся себя – и своей готовности совершить то, о чем так давно мечтал.

Перед ним были именно те два человека, прикончить которых он когда-то дал себе слово.

* * *

– Ну что? – спросил Влад. – Поехали? К тебе или ко мне?

Какое-то время Алёна тупо смотрела на его торжествующую физиономию, и только тут до нее дошло, что спор-то она проиграла и, похоже, этот типус намерен требовать с нее свое...

Нет, это чепуха, конечно. Из-за какого-то Тараса Шевченко, то есть этого, как его там, Тараса Бульбы!..

– Дорогие гости! – раздался усиленный микрофоном металлический голос Жанны, и она вышла из боковой дверки на сцену: сильная, напряженная, энергичная, словно взметнувшаяся на хвост роскошная змея. – В честь дня рождения моего любимого художника мы подготовили для вас самую что ни на есть сюрреалистическую развлекательную программу. Кто знает творчество Дали, тому известно, что он был не только великий художник, но и великий эксгибиционист. А что такое эксгибиционизм, как не любованье своим обнаженным телом, не нарциссизм? Некую разновидность этого, мне кажется, представляет собой современный стриптиз. Ну, стриптизом женским теперь никого не удивишь, поэтому мы представляем вам молодого и очень красивого стриптизера-эксгибициониста! Нет, в самом деле: вспоминая популярную песенку группы «Ундервуд», вполне можно сказать: «Он так прекрасен, что нас колбасит!» Встречайте – Нарцисс!

В зальчике погас свет. В баре и в гардеробной – тоже. В ресторане воцарилась полная темнота. Кто-то сказал:

– Сапожники!

Кто-то свистнул. Кто-то громко ойкнул.

– Спокойно, дорогие гости! – В голосе Жанны явственно слышался медный перезвон смешка. – Господин Чубайсер не отключил нам электричество за неуплату, тем паче что мы платим за свет своевременно. Налоги, кстати, мы тоже платим... Так что – не пугайтесь того, что вам придется увидеть сейчас. Даже если пред вами вдруг появится налоговый инспектор или... или «Робкий монстр»!

Ее голос заглушила музыка.

Ах, дивный Элвис! Ну что за чудо!

It's now or never,
come hold me tight.
Kiss me, my darling,
be mine tonight...

Алёна тихонько засмеялась... и вдруг ощутила на своей шее ледяные руки.

Дыханье сперло – всё, что она могла, это издать хриплый визг, да и тот получился чуть слышным, сдавленным. Да уж, каким же ему еще быть, если тебе сдавливают горло – все сильнее, все крепче. Чем-то мягким, влажноватым, холодным... будто бы змеиными кольцами...

Самое ужасное, что она ничего не видела! словно сама темнота решила ее удушить!

И вдруг вспыхнул свет. Хватка тотчас разомкнулась. Алёна открыла глаза (оказывается, она ничего не видела не только из-за того, что погасло электричество, но и потому, что от ужаса крепко зажмурилась!) и успела заметить какой-то черный силуэт – словно сгусток тьмы, ее порождение! – шарахнувшийся прочь к соседнему столику.

–! – выкрикнул Влад сплошь непечатное. Волосы его были нелепо разломачены, из-под пуловера вокруг шеи торчало несколько разноцветных бумажных салфеток – на манер жабо.

Влад вскочил и ринулся было вслед темному силуэту, но его остановил голос Жанны:

– Господа, просим соблюдать спокойствие! Не стоит мешать актеру, когда он работает!

– Актеру?! – взревел Влад. – Это что за чучело! Мокрица! Жаба!

– Это не чучело и не жаба, а «Робкий монстр»!

Жанна еле сдерживала смех. Такое впечатление, что она откровенно наслаждалась ситуацией.

Tomorrow will be too late,
it's now or never
My love won't wait, –

заливался божественный Элвис.

Алёна машинально потирала горло – интересно, останутся пятна или нет? «Робкий монстр»?! Ничего себе – робкий! Но монстр – однозначно!

Невозможно было понять, что у него за костюм – все мрачное, фиолетово-серебряно-зелено-черное, все мерцает и переливается. Сгусток враждебной энергии, вот что это – сгусток тьмы и зла! Сейчас он стоит около соседнего столика, нависнув над пухленькой дамочкой, безвольно откинувшейся на спинку кресла. Лапы скрещены на ее горле, однако выражение лица у дамочки отнюдь не паническое – скорее истерически-восторженное. Мазохистка несчастная! Сосед по столику хохочет-заливается:

– Так ее, так!

Монстр не послушался – оставил жертву в покое (на ее лице промелькнуло жестокое разочарование) и метнулся к другому столу. Теперь его добычей стала та самая тетка – с явными признаками вырождения на физиономии, – которая пребывала в убеждении, будто на земле существует только один писатель и зовут его – Тарас Шевченко. Та, которая подвела Алёну под монастырь!

Когда лапы монстра сомкнулись на ее горле, Алёна чуть было сама не закричала: «Так ее, так!»

Вот он выхватил дамочку из кресла и без видимых усилий воздел ее упитанное тельце на руки. Потом опустился на одно колено, на другое посадил перепуганную, взлохмаченную жертву – и зал так и закатился: уж больно карикатурно выглядела эта нелепая грузная тетка в объятиях монстра! Чудище болотное и кикимора! И все это под сладострастные стоны Элвиса!

Зал ревел от восторга.

Алёна всегда очень болезненно воспринимала насмешки над женщинами (видимо, по какой-то непонятной извращенности натуры, ибо вообще-то женщин, как известно, хлебом не корми, только дай поиздеваться над сестрой по Творцу!), однако сейчас она не сдержала зло-радного, хотя и хрипловатого смеха. За издевку над этой кикиморой монстру многое простилось, в том числе и ужас, который испытала Алёна, ощутив его хватку на своем горле!

Между тем кикимора не делала никаких попыток слезть с его колена и, похоже, чувствовала себя в лапищах чудовища вполне комфортно. Однако монстр был не лишен такта: он заметил, что супруг кикиморы (тоже невежда и недоучка, муж и жена – одна сатана!) нер-вически заерзал, словно собираясь идти отбивать свою собственность у похитителя. А может быть, монстр просек, какое обиженное, завистливое личико сделалось у кикиморовой дочки... девуля, между прочим, была очень даже ничего себе, в «мокрых» рыжеватых кудряшках, с пре-миленькими веснушечками на курносенькой мордашке и с весьма аппетитными формами... Так или иначе, мощным взмахом поднимает монстр уродину-мамашу и с размаху бросает ее на колени супруга, а дочку вместе с креслом выволакивает поближе к сцене, на открытое про-странство, склоняется над ней и кладет ее маленькие ручки себе на грудь... медленно ведет ими вниз, вниз... еще ниже, еще...

Папаша-игноракус и отвергнутая кикимора разом приподнялись с выражением правед-ного негодования на физиономиях, однако в этот момент шаловливые ручонки их дочки сде-лали какой-то рывок – и публика издала восторженный визг, потому что чешуйчатая, пугаю-щая оболочка слетела с монстра, словно по волшебству, а под ней оказалось загорелое, в меру накачанное, стройное юношеское тело. Мерцающие фиолетово-серебряные стринги и такая же маска, плотно прилегающая к лицу (над ней клубились спутанные пепельные волосы), – вот и все, что напоминало о прежнем чудовище.

Экс-монстр наклонился к девице, храбро открывшей человечеству его красоту и стать, и чуть коснулся своими фиолетовыми губами ее губ. Она так и рванулась к нему, уже даже руки занесла, чтобы обхватить его за шею, прижать к себе... да не тут-то было! Расколдован-ное чудище танцующей походкой пронеслось по залу, склоняясь то к одному, то к другому столику, и видно было, как дамы, визжа от восторга, суют за резинку его стрингов купюры, – причем вместе с дамами поучаствовала в процессе обогащения монстра и парочка мужиков (один, кстати сказать, вполне гетеросексуального вида, ну а второй... что да, то да, роковая ошибка природы!). Еще раз мелькнув (правильнее будет сказать – сверкнув!) изумительно крепкими, загорелыми, атласно-гладкими ягодицами и вызвав восторженный визг у дамской части публики (напрасно думать, что только мужчины с вожделением смотрят на женские попки – женщины тоже обожают вид мужчин сзади... если, конечно, это подобающий вид!), монстр-красавец исчез за сценой, танго умолкло, и вдруг, перекрывая бурные и продолжитель-ные аплодисменты, рыженькая дочка необразованных родителей радостно возопила:

– Вспомнила! Я вспомнила! «Тараса Бульбу» написал Гоголь! Гоголь, а не Тарас Шев-ченко!

Минута молчания. Зал воззрился на девулю в полной уверенности, что у нее крыша съе-хала – от чувств-с. Потом опять грянул хохот. Короче, клиенты дозрели все как один, атмо-сфера в «Барбарисе» теперь царила самая непринужденная. – Лапочка моя! – пробормотала Алёна, посылая отличнице воздушный поцелуй и торжествующе поворачиваясь к Владу.

Ее сосед уже успел пригладить волосы, вытащил из-за ворота салфетки и даже сложил их аккуратненькой стопочкой на столе.

– Вот видите!.. – торжествующе начала Алёна.

– Это не считается, – перебил Влад равнодушно. – Поздно. Первое слово дороже второго. Ты проспорила. Поехали!

– Нет, меня девочка выкупила! – решительно замотала головой Алёна, разглядывая коренастенькую фигуру своего поклонника (брюшко слегка нависает над ремнем, волосики жидковатые, ножки кривоваты, пальцы коротковаты, носик маловат, а это значит, что и все прочее, чем он собирался козырять нынче ночью, тоже не бог весть какво, – вернейшая народная примета!.. – и хотя, всем известно, главное не размер, а сноровка, но все же, все же, все же!) и вспоминая божественно сложенного стриптизера. Вот если бы *ему* проспорить... да, тут уж Алёна, пожалуй, поступилась бы принципами не вступать в случайные связи (тем паче что она этими принципами уже не единожды в жизни поступалась!), а что до обожания бесподобного танцора из Жаннинного шоу... да не наплевать ли черноглазому красавцу Игорю на сам факт существования обожающей его писательницы и на то, с кем она спала, спит и будет спать?!

Ладно, господь с ними, с танцорами и стриптизерами, это просто игрушки для дам пост-пост-бальзаковского возраста, но с Владом она никуда не собирается ехать, это совершенно точно. А он, похоже, не думает отступать: зудит и зудит над ухом...

Алёне всегда было приятно слышать от мужчины фразу: «Я тебя хочу!»... однако в устах Влада она звучала как-то не так. Не вдохновляюще.

– Безнадежно! – наконец сказала она сердито. – Влад, извините, это был глупый спор. Я совершенно не думала, что вы эту чепуху восприняли всерьез. К тому же нас никто не разбивал, поэтому...

– Я сейчас на минуточку сбегаю отлить, – сообщил Влад, поднимаясь со стула, – а ты пока расплатись за свой жюльенчик. От меня не отвязешься, это бесполезно. Ты просто еще не знаешь, я тебе по секрету скажу: у меня среди друзей прозвище Бультерьер. Это потому что хватка у меня мертвая, ясно?

Он двинулся прочь из зала, и его чуть цепкая походочка и в самом деле показалась Алёне развальной и агрессивной, как у бультерьера.

Она вскочила, прижала к груди сумочку, словно щит.

Если Влад думает, что писательница Дмитриева вот так, спонтанно, отправится в постель с человеком, который сообщает ей о своих сортирных намерениях и предлагает *самой* заплатить за *жюльенчик*...

Не в деньгах дело! Алёна вполне платежеспособна и вообще помешана на финансовой независимости. Идя куда-то с кавалером, она занудно просит позволить ей заплатить за себя самой и отступает лишь под угрозой крупной ссоры. Но она ценит соблюдение *условий игры*! Спор начинался как шутка, а обернулся такой вульгарщиной... ни цветов, ни музыки, ни обязательных слов... Ну уж нет, это не для Алёны Дмитриевой с ее утонченной натурой.

Алёна поднялась на сцену и, воровато оглянувшись, прошмыгнула в дверку, через которую выходили актеры. Она очутилась в святая святых – в служебных помещениях «Барбариса», в месте запретном, и ничуть не удивилась, увидев холодное недоумение на красивом лице Жанны.

– Жанна, дорогая, извините, – затараторила Алёна, которая не выносила фамильярности и не признавала уменьшительных имен, а оттого со всеми подряд была на «вы», даже с теми, кого могла – хотя бы условно! – называть подругами. – Простите, ради бога, но у меня совершенно безвыходная ситуация. Мой сосед что-то распоясался, пристает ко мне, испортил все настроение. Боюсь, что скоро придется от него с кулаками отбиваться. Выпустите меня через служебный выход, очень прошу! Андрей, погодите! – окликнула она пробежавшего мимо второго танцора из шоу, тоже очень красивого и сверх меры сексуального (глядя на него так и

хотелось сказать: «Вооружен и очень опасен!»), вдобавок, весьма снисходительно относившегося к взрослым дамам, но... вот не звенело у Алёны в сердце при виде Андрея, а при виде Игоря – звенело, да еще как! Колокольный это был звон, малиновый, сладостный! – Сделайте божескую милость, принесите мой плащ из гардероба!

Она вынула из сумочки номерок и отдала его Андрею, который сверкнул озорной улыбкой (он вообще напоминал мальчишку-озорника, этим и брал, ну а у Игоря амплуа безусловно – романтический герой-недотрога) и исчез, а Жанна протянула пятачок:

– Я брала салатик с креветками и жульен, и еще полбокала какого-то испанского вина... забыла... этого должно хватить. Извините, отдайте официанту, хорошо? А если нет, Жанна, скажете мне, я потом доплачу.

– Хватит, хватит, – кивнула Жанна, в голове у которой был компьютер: она всегда знала, кто из клиентов что заказывает и сколько это стоит – за вычетом пятнадцатипроцентной скидки по дисконтной карте. – Еще и останется на чай. Только зря вы не хотите остаться, Алёна, у Орлова еще парочка таких забойных номеров!

– Да? – рассеянно спросила Алёна, пристраиваясь к щелчке в двери и высматривая, не идет ли Андрей. Господи, неужели это такой трудоемкий процесс – взять плащ в гардеробе?! Вот-вот вернется Влад... ладно, какое-то время он будет думать, что барышня отправилась в туалет, а тем временем Алёна улизнет! – А кто такой Орлов?

– Орлов – это нашего стриптизера фамилия, – пояснила Жанна, с улыбкой наблюдая за нервной писательницей. Впрочем, улыбка на ее красиво очерченных губах блуждала отнюдь не насмешливая, а вполне понимающая: своими непроницаемыми зеленоватыми глазами Жанна в жизни вообще, и в «Барбарисе» в частности, такого навидалась, что невинные игры писательницы Дмитриевой с мальчиками, юношами и мужчинами среднего возраста казались ей просто детским лепетом. – Хотя он типичный Ослов, а не Орлов. Растяпа еще та! Забыл то ли в «Пикассо», то ли в «Гудке», то ли в «Алексее» диск для второго своего номера: «Пионер – всем ребятам пример». Пришлось дать ему машину, помчался... А номер – просто супер! Особенно когда он начинает таким детским голоском выкрикивать: «Пионер – всегда готов! Пионер – всегда готов!», а сам при этом обнажает *такое* достоинство!.. К сожалению, резиновое, но все равно очень классное. Да и других его номеров вы так и не видели. Жалко. Может быть, посидите, дождетесь?

– Нет, Жанна, дорогая, простите, нет... – бормотала Алёна, то бросая на приятельницу извиняюще-признательные взоры, то воровато поглядывая в сторону служебных помещений (не мелькнет ли предмет ее тайных воздыханий), то вновь принимая к шелке (не появился ли угрожающий мэн).

– Кстати, – безразличным тоном сказала Жанна. – Он очень положительно относится к взрослым дамам... за определенную сумму, конечно. Говорят, классный любовник...

Алёна с изумлением уставилась на Жанну. Та была в курсе и отъезда Алекса, и безуспешных попыток Алёны привлечь внимание обворожительного танцора. Что, решила устроить интимную жизнь подружки? Неужели затянувшееся воздержание уже наложило свой отпечаток на ее облик? Голодный блеск в глазах и всякое такое?

– Спасибо, Жанна, я об этом непременно подумаю, – вежливо пробормотала Алёна и тут же пожалела о сказанном. Жанна с ее болтливым язычком непременно сообщит Игорю о том, что писательница Дмитриева намерена развлечься со знаменитым стриптизером и любимцем «взрослых дамочек» Нарциссом Орловым или как его там. Интересно, Игорь обрадуется этому («Ну наконец-то она от меня отстанет!») или огорчится? Эх, эх, вот кабы огорчился настолько, чтобы взять да отбить ее у гипотетического соперника!

Да, от него дождешься! Скорее рак на горе свистнет!

Ну, наконец-то Андрей бежит с серым Алёниным плащиком наперевес. А Влада за столиком по-прежнему нет, очень хорошо.

Наскоро расцеловавшись с Жанной, Алёна выскочила в служебную дверь, не забыв шепнуть Андрею: «Привет Игорю!» и постаравшись не заметить его насмешливой улыбки (кто-то, а уже он-то отлично знает о полном равнодушии приятеля к пылким чувствам писательницы!), и пробежала через темный, неудобный, страшноватый, но сладко благоухающий черемухой дворик.

Стыдобища, конечно. Детский сад! Ну чего она так испугалась, спрашивается? Она кто – девочка?! Давно уж нет (и очень жаль!). Все-таки это у нее по жизни – заниженная самооценка. Нормальная женщина даже бровью не повела бы в сторону этого наглеца Влада. Спокойно ушла бы, не таясь, а то и досидела бы до конца программы, полюбовалась бы еще одним номером стриптизера, любителя «взрослых дам», дождалась бы, когда на сцене снова мелькнет черной ослепительной молнией Игорь... Нет же, бросилась наутек, словно нашкодившая двоечница!

Поедом себя поедая, она проскользнула через арку на Рождественку – и едва не ослепла, когда в глаза ей ударил яркий свет.

Алёна зажмурилась и какое-то мгновение стояла неподвижно, про себя всеми словами кроя идиота, который вдруг включил на полную мощность фары.

– Я так и знал, что ты непременно попытаешься от меня смыться! – раздался веселый голос, и Алёну властно ухватили за руку чьи-то пальцы.

Впрочем, почему – «чьи-то»? Разумеется, это были пальцы Влада, никого иного!

Влад, уже в куртке, почему-то изрядно в ней потолстевший, с силой потащил писательницу к себе, потом втолкнул в машину – и Алёна, забившись в угол, испуганно подумала, что, кажется, ей не удастся ускользнуть от выплаты проигрыша!

* * *

Николай едва успел добежать до машины раньше Гришки, но вскочить внутрь не удалось: стал рядом, с трудом переводя дух и изо всех сил делая вид, что так и стоял все это время. А вот и Гришка вывалился из двора, рванул дверцу:

– Поехали!

– погоди, – протянул Николай как ни в чем не бывало, хотя поджилки так и тряслись. – Я только хотел покурить.

В доказательство он поднял пачку, которую сжимал в кулаке. Наверное, там ни одной сигареты не осталось целой – так стиснул, когда началась стрельба, что...

– Поехали! – Гришка был сам не свой. – Опоздаем!

Николай видел, что Гришкины руки пусты. Наверное, бросил пистолет там, во дворе. Так что теперь бояться нечего. Хотя... хотя, пока они ехали сюда, он даже не подозревал, что у Гришки есть пистолет.

Может, и сейчас прячет под курткой? А сколько было выстрелов? Два? Три? Или всю обойму выпустил?

Нет, не вспомнить. Николай сам чуть не умер от страха, когда услышал стрельбу, а главное, когда понял, *кто* стреляет...

Новый «БМВ», за которым они сюда притащились, стоял у обочины. Хорошо они его вели, можно спорить, тот мужик даже не заподозрил слежки. Может, он даже и не успел понять, что его кокнули! Царство ему небесное? Или нет? Интересно, Гришка его убил или только ранил? Во дворе что-то орут, но не разберешь, что именно. Наверное, сейчас будут милицию вызывать и «Скорую».

– Поехали!

Надо же, у Гришки рожа совершенно безумная. Наверное, он впервые кого-то мочканул... Николай слышал, будто в первый раз это трудно. Хотя в первый раз вообще всё трудно. Даже рюмку выпить. Недаром говорят: первая колом, вторая соколом, третья мелкой пташкой.

Но Гришка что-то очень уж трясется. Интересно, как парень еще работать сегодня собирается, в таком-то состоянии? Или не собирается?

Ладно, хватит его дразнить. В самом деле, пора отсюда убираться, пока кто-нибудь не заметил, что около этого дома, когда во дворе стреляли, стоял приметный такой светлый фургончик. Да еще эти буквы на боку...

Черт, как бы не вляпаться в историю!

Николай вскочил за руль.

Оглянулся в салон – Гришка сжался в комок на диванчике.

– Куда едем-то?

Прозвучал ответ... очень конкретный.

Да, похоже, парень дошел до полного предела, лишних вопросов ему задавать не стоит, можно сильно нарваться. И все-таки удержаться невозможно:

– Слушай, а что там за шум такой? Выстрелы? Или мне послышалось?

И тут же словно что-то ледяное коснулось затылка. Дурак, зачем его злишь? Вот он сейчас как выхватит из-под куртки пистолет, как шарахнет...

Тихо. Потом послышался ломкий голос:

– Какие выстрелы? Ты что? Там мужики машину ремонтировали около гаражей. Это выхлопы...

Ага, учи отца стебаться! Получше ничего не мог придумать? Шоферу рассказывать, как звучат выхлопы!

– Ну да, я так и понял, – ответил Николай как можно небрежней и завел мотор.

Осторожно обогнул «БМВ», чтобы, не дай бог, не зацепить.

Эх, вот это машина! Такой машины у него вовеки не будет.

Не будет? А что, если... Хозяин-то, судя по всему, не скоро сядет за руль...

Жаль, не обратил он внимания, включил тот мужик сигнализацию, когда выходил с этой своей долговязой лялькой?

Наверное, включил. Он же определенно к ляльке мылился на всю ночь, разве мог такую роскошную тачку без охраны бросить?

Да не фиг ли с ней, с этой сигнализацией? Это ведь только против лома нет приема, а что один человек наладил, другой завсегда изломать может. Главное, поскорей, поскорей...

– Да, надо спешить, – Николай увеличил скорость. – Проваландались тут, нагреют нас, ох, нагреют, когда приедем!

Гришка молчал.

Николай покосился в зеркальце заднего вида, в которое видно было, что происходит в салоне. Но Гришка, гад, словно почуял его взгляд: взял да и задернул шторку, которая отделяла салон от кабины.

Николай только плечами пожал.

Дурень, ну дурень же ты, парень! Дать умному человеку в руки такой козырь – и думать, что он с него не пойдет? Наи-и-вный, дитя малое...

* * *

– О-о, я больше не могу... – выдыхает Лев сквозь стиснутые зубы и тяжело откидывается на спинку дивана. Его грудь в мятой джинсовой рубашке так и ходит ходуном, как если бы он дважды или трижды пробежался с первого этажа на пятый и обратно, а вовсе не... а вовсе не имел дела с этой красивой и, кажется, очень хитрой женщиной. И очень опасной, очень... От этого общения он не только начал задыхаться – у него даже волосы на затылке взмокли, поэтому он сейчас закидывает руки за голову и ерошит вспотевшую шевелюру. Давно надо

было постричься, дураку. Впрочем, такое ощущение, будь он даже обрит наголо, его лысина сейчас тоже взмокла бы!

Вот же чертова баба! Совершенно заморочила ему голову, до инфаркта, можно сказать, довела... а сама как огурчик!

Лев бросает на нее взгляд из-под ресниц.

И впрямь как огурчик. Платье у нее зеленое, и за эти два часа непрерывных разборок в насквозь прокуренной комнате розово-загорелое лицо ее, поразившее его в первую минуту живым румянцем, сделалось бледным – натурально огуречного цвета! То есть он ее тоже умудрился хорошенько достать.

Да что проку-то? Что проку-то?! Все, что между ними было, происходило, как говорится, не для протокола!

И, скрипнув от ярости зубами, начальник следственного отдела городского УВД Лев Муравьев в двенадцатый раз (может, на самом деле только в четвертый, но нынче ночью такая экстремалка происходит во времени и пространстве, что один раз идет за три, все равно как годы при начислении северной пенсии!) спрашивает:

– Значит, вы не знаете его фамилию?

Вот сейчас она взмахнет ресницами и, раздув ноздри, вызывающе бросит:

– Не знаю. Не знаю! Сколько раз повторять?!

Все это уже было, и ресницами она махала не единожды, так что под ее ввалившимися глазами залегли темные тени от осыпавшейся туши.

Что за дешевкой она красит глаза? Уж доходы-то у нее, наверное, не маленькие, могла бы купить тушь качественней, подороже. Или такая скупердяйка?

Этого Лев Муравьев не знает. Зато заранее знает, что сейчас он снова спросит:

– То есть вы пригласили к себе домой незнакомого человека?

А она воскликнет:

– Да не приглашала я его! Не приглашала, понимаете? Он сам за мной потащился!

После этого Лев процедит иронически:

– Не виноватая я, он сам пришел?

А она зыркнет на него из-под своих полуосыпавшихся ресниц, прикусит губу, на которой уже не осталось помады, и замкнется в угрюмом молчании, а он начнет потирать ноющую шею, курить, тяжело дышать и думать, что редко, редко ему так не везет, как не повезло в этот майский вечер, в этот богом данный выходной, когда его занесло в гости к старинному приятелю, и они вышли покурить на балкон как раз вовремя, чтобы услышать выстрелы во дворе и увидеть, как человек, только что стоявший около соседнего подъезда, медленно сползает по ступенькам, обнимая колени высокой женщины, а она по-дурацки машет руками и кричит, словно сумасшедшая:

– Что такое? Что случилось?!

В первую минуту, когда Лев с Саней (так звали приятеля) выскочили во двор, эта дамочка и впрямь ничегошеньки не соображала, однако к тому времени, как приехала «Скорая», она уже собралась с силами и мыслями – причем собралась настолько, что начала отрицать очевидное. На гулящую, которая волочет к себе домой случайного клиента, даже не спросив его имени, она мало походила, а если точнее – не походила вовсе, несмотря на фrivольное платье в такой обтяг, что... под ним не просматривалось никакого намека на трусики. Сначала Лев напрягся было, потому что, судя по паспорту, даме было уже... хм-хм, а одета, будто... Потом Саня уважительным шепотком поставил друга в известность, что соседка у него не абы кто, а местная достопримечательность, и если ее зовут по паспорту Елена Дмитриевна Ярушкина, то это не значит ровно ничего, потому что она – самая печатаемая писательница в Нижнем Новгороде, вдобавок – детективщица, так что ты, Левушка, ради бога, с ней пообходи-тельней!

Детективщица... ёлы-палы, ежели Лев Муравьев кого-то ненавидел сильнее, чем пост-перестроечных министров-капиталистов и президентов, распустивших державу на ниточки-веревочки, как Пенелопа – свое приснопамятное покрывало, то ненавидел он даже не преступников, воров, убийц, маньяков, бороться с которыми его обязывали долг, присяга, совесть и честь, а этих набитых дурью восторженных баб-детективщиц, которые почти все как одна (за исключением, понятно, Марининой, что своя в доску, службу знает и чепухи не порет) вообще не понимают, о чем, что и зачем пишут. Бредни какие-то. О работе милиции и следственных органов имеют самое приблизительное представление. В голове, короче, нет ничего, трусиков не носят, водят к себе случайных знакомых, а на некоторых мужиков производят гипнотическое действие...

В создавшейся ситуации Левушку больше всего потрясли, конечно, не отсутствующие трусики, а поведение старинного друга.

Спору нет – Саня Александров всю жизнь был славным и надежным парнем, и в восьмой школе, где они со Львом вместе учились с первого по десятый класс и позднее, когда сообща провалились на юрфак и ушли в армию: Лев в морфлот, а Саня в железнодорожные войска; и когда демобилизовались и разбрелись по новым учебкам: Лев поступил в школу милиции, потом на юрфак, а Саня от мечтаний юности напрочь отрекся и пошел в архитектурный институт... С ним пообщаться в густой лихорадке буден Льву всегда было – словно десять (двадцать, тридцать!) годиков с плеч сбросить, однако на Санином примере ему нынче вечером стало ясно, что старческий маразм – это штука очень коварная, которая настигает мужиков в еще не слишком-то преклонные года. Ну что такое в наше время сорок пять? В эту пору не только баба – ягодка опять, но и мужчина – фрукт в самом соку. Однако если Лев чувствовал себя как надо, то у Сани явно наступило преждевременное размягчение мозгов. У него даже взгляд сделался какой-то бараний, когда он смотрел на свою беспутную соседку. Она билась в истерику над этим подстреленным незнакомцем (ага, ага, конечно, незнакомцем!), а Саня чуть не рыдал и, похоже, с усилием сдерживался, чтобы не заключить писательницу в объятия. И это при том, что он с восьмого класса был влюблен в свою соседку по парте Таню Воронкову и женился на ней, чуть вернувшись из армии, и всю жизнь с ней прожил, родив сына Ваську, и прославился как закоренелый однолюб...

Ничего себе – однолюб!

Главное дело, было бы из-за кого напрягаться. Верста коломенская какая-то, таких женщин надо хранить в сложенном виде, как раскладушки. Левушка предпочитал уютных маленьких толстущечек, совершенно таких, как Таня, бывшая Воронкова, ныне Александрова, и даже некогда был в нее немножечко влюблен. Но разве она могла устоять против Сани – пусть и не слишком-то вразного, невысокого и тощеватого, однако безмерно обаятельного? И разве можно было с ним, вундеркиндом чертовым, кому-то соперничать?

К слову сказать, Саня всегда, всю жизнь был среди друзей абсолютным лидером. Левушка мог при желании рассказать как минимум дюжину историй из их совместного детства и юности, когда Саня подбивал его на всякие пакости. Из некоторых они выпутывались, из некоторых нет (в девятом классе за «иллюминацию» на уроке физики, после которой практически выгорел кабинет, их не исключили из школы только потому, что Санина родная тетка возглавляла роно), и силы своего влияния дружок с годами не утратил. Конечно, как он ни просил не вызывать милицию, Лев тут ничего поделать не мог (прежде всего потому, что в милицию позвонил врач «Скорой», и его трудно было осуждать: ведь он выполнял свои прямые обязанности, попробовал бы промолчать!). Однако Лев, повинувшись властному Саниному тычку в бок, молчал, сцепив зубы, когда писательница нагло врала, будто знать пострадавшего не знает, ведать не ведает, дескать, он просто поднимался вслед за ней на крыльцо, может, шел к кому-то в гости в подъезд, а тут пуля прилетела – и товарищ мой упал...

Но уж потом, когда обе машины разъехались (одна увезла бедолагу в больницу, другая умотала на следующий вызов, причем оперативник взял со «случайной свидетельницы» слово утром явиться к следователю и отложил на завтра допросы ее соседей), когда они с Саней довели писательницу до квартиры (ох, как друг старательно обнимал ее за талию, чуть ли не уткнувшись носом в несусветное декольте и сочувственно сопя!), Лев Муравьев начал допрос и недвусмысленно намекнул дамочке, что хватит дурочку из себя строить, пора расколоться и сказать правду.

Без преувеличения – часа два они морочили друг другу головы беспрестанным переливанием из пустого в порожнее, уже и рассвет скоро забрезжит за окном, и если бы не Саня, который выступал в роли миротворца и даже, вполне освоившись на писательницыной кухне, подносил враждующим сторонам то кофе, то чаю, Лев уже давно открутил бы этой особе голову. Выводила она его из себя просто невероятно, он даже и предположить не мог, что способен так завестись из-за какой-то бабы! Все, все в ней его раздражало, все казалось глупым, отталкивающим, неуместным, и ноги-то слишком длинные, и грудь слишком вызывающая, и глаза чрезмерно большие, и ресницы чересчур густо накрашены! Поделом ей, что хлопья краски так и сыпались на подглазья!

А Саня, идиот, пялился умильно на ее почерневшие подглазья, и как ни хотелось Льву плюнуть на этот кретинский, затянувшийся допрос и убраться восвояси, он снова и снова толк воду в ступе, задавал одни и те же вопросы, выслушивал одни и те же ответы и с тоской поглядывал на неумолимо светлеющее за окном небо, размышляя: выдержит он до семи утра или убьет писательницу раньше? Почему до семи – потому что в семь должна была вернуться с дачи Таня Александрова, бывшая Воронкова, и только ради своей первой любви, ради бывшей одноклассницы, ради ее семейного счастья Лев до бесконечности продолжал этот фарс, убежденный, что лишь только он ступит за порог, как Саня забудет про святые обеты, про свои обязательства, про реноме однолюба и вернейшего из мужей, про надвигающуюся серебряную свадьбу забудет – и перейдет от словесного утешения писательницы к более действенным способам снятия напряжения.

Этого Лев допустить не мог никак, не мог категорически, а потому он умирал тяжелое сердцебиение (от кофе и от злости пульс зашкаливал, и вроде бы даже аритмия началась), нетерпеливо косился на все еще темное небо и талдычил снова и снова:

– Так вы уверяете, что не знаете фамилию пострадавшего?

И писательница твердила, как заезженная пластинка:

– Не знаю! Не знаю! Сколько раз повторять!

– Ладно, – сказал наконец Лев решительно и сел, изо всей силы растирая мучительно ноющий затылок. – Тогда я вам расскажу, как я вижу ситуацию – согласно вашим словам. Получается – что? Вы пошли в ресторан...

– Надеюсь, это не возбраняется законом? – буркнула писательница Дмитриева.

Ишь ты, еще трепыхается, еще хватает у нее сил задираться! Правду говорят, будто женщины гораздо выносливее мужчин!

– Не возбраняется, – снисходительно кивнул Лев. – В ресторане к вам пристал какой-то человек. Вернее, не какой-то, а тот самый, которого на «Скорой» увезли от вашего крыльца. Вы его, как сами уверяете, отшили, однако он отстать не пожелал и предложил подвезти вас до дому. Вы согласились, думая, что этим все и ограничится. Однако он вознамерился проводить вас до квартиры, для пущей вашей безопасности, вдруг, к примеру, во дворе на вас набросятся насильники или убийцы.

– И он оказался прав! – Дмитриева так зыркнула на Льва из-под своих полуосыпавшихся ресниц, что ему этот злобный, раздраженный взгляд почудился чем-то материальным. Полное ощущение, что она его по лицу хлестнула. – Покушение на убийство имело место быть, разве

нет? Не понимаю, почему события этого вечера – трагические события! – вы пересказываете таким ёрническим тоном, с откровенно садистским подъёмом.

Льва мурашки пробрали от этого словечка. Несмотря на откровенную маргинальность, а может быть, именно благодаря ей, словечко принадлежало к числу излюбленных им и довольно часто употребляемых. Другое дело, что его не во всяком обществе пустишь в ход. Честно сказать, Льву и в голову не пришло бы брякнуть что-то подобное в присутствии этой особы – пусть даже и зеленоватой от усталости, и в мятом платье, и с этими ее не раз уже упомянутыми ресницами, – а тут такая раскованность с ее стороны...

Стоп, сказал Лев себе, неприметно стараясь дышать глубже и усмиряя не в меру расходившееся сердце. Тебя возбуждает, когда женщина употребляет инвективную лексику в постели, но сейчас-то ты *не в постели*! С чего возбуждаться-то? К тому же эта зеленая – объект для твоих вожделений просто никакой.

И, мстя ей за бесплодные переживания, из-за которых пришлось закинуть ногу на ногу, Лев со всей возможной иронией изрек:

– Трагические? Скорее трагикомические, вы не находите? – Ох, как кстати пришелся этот великосветский оборот – «вы не находите»! Она – писательница, типа, интеллигентка – однако почти что матюгается, а он – черная кость, мент поганый, мусор – как еще там честят милицейскую братию детективщицы (да и детективщики, если на то пошло!) – выражается как английский лорд. – Вы рассказываете, что убить этого человека угрожал детский голос! Но это же, простите... – Лев развел руками. – Вам наверняка почудилось. Кроме того, вы уверяете, что голос этот раздавался со стороны черемухи. Она растет справа от крыльца. Но стреляли-то слева! Вы случайно не знаете, ваш провожатый – не школьный учитель?

– Нет, – растерянно уставилась на него писательница. – А что? Почему вы так решили?

– Ну, я не знаю, – ехидно усмехнулся Лев. – Может быть, он чем-то напакостил деткам, своим ученикам, вот они и устроили на него охоту. Окружили его, окружили и гонят на номера! Вы фантастику любите? Помнится, у Рэя Брэдбери был такой жуткий рассказ, там дети охотились на своих учителей, всех на свете поубивали. Не помню, как называется...

– «Кошки-мышки», – мрачно сказала писательница. – Только там дети охотились не на учителей, а на взрослых вообще, прежде всего – на своих родителей, и вы правильно говорите: всех на свете поубивали. Рассказ, и верно, жуткий. Не знаю, был ли Влад школьным учителем, но я ничего не путаю и мне не почудилось: именно детский голос грозил убить его. А вот стрелял вряд ли ребенок! Очень уж метко.

– А-га... – протянул Лев. – Итак, его зовут Влад? Так какого же, простите, черта, вы мне столько времени голову морочили и клялись, что ничего, ровно ничегошеньки о нем не знаете!

– Каков вопрос, таков и ответ, – огрызнулась писательница. – Вы меня о чем спрашивали? Как фамилия моего провожатого? Но я и в самом деле этого не знаю! Имя он свое назвал, когда начал меня, так сказать, кадрить. Ресторанные знакомства не предполагают перечня анкетных данных. Поэтому я и правда не представляю, как его фамилия, где он живет, женат, разведен или холост, есть у него дети или нет, кому вообще сообщить о том, что случилось...

Писательница вдруг осеклась, потом с силой прижала руки ко лбу и сказала:

– Господи, какая же я дура!

Ну что ж, если человек сам ставит себе диагноз... Лев внутренне усмехнулся.

– Как я могла забыть! – сокрушенно замотала головой Дмитриева. – Это от шока, конечно. Но странно, что никто другой тоже не подумал... Ведь мы приехали из ресторана на машине! На сером «БМВ»! Там наверняка остались какие-то документы, по которым можно узнать его фамилию и адрес! Мне даже кажется, на заднем сиденье лежал пиджак... а в пиджаке, конечно, найдется паспорт, ну а права-то уж определенно!

Лев не раз замечал, что идиотия – болезнь не только врожденная, но и заразная. Правильно – дамочка полная дура. То есть она скорее худая, чем полная, и «круглая дура» о ней

тоже не скажешь, но все равно – кретинка. Вот и распространяет вокруг флюиды своей дуристости. Причем дама энергетически очень сильная. Она умудрилась оказать одурачивающее влияние не только на Саню и на Муравьева, но и на милицейскую бригаду. В самом деле: никому даже в голову не взбрело, что пострадавший притащился в этот роковой дворик не пешком. Но слава богу, что у этой идиотки наступило временное просветление!

– Если есть машина, то где пульт? – спросил Лев, хватаясь за эту незначительную соломинку. – Или ключи?

– Наверное, Влад их выронил, когда свалился со ступенек. Может быть, пульт или ключи где-нибудь около крыльца так и лежат в пыли, их ведь никто не искал в темноте.

Точно, вспомнил Лев, крыльцо и подступы к нему бригада не обшаривала. Долго слонялись по двору, подсвечивая себе фонариками, но ничего не обнаружили, даже гильзу. Так что имеет смысл пойти и пошарить около крыльца прямо сейчас.

Он встал, глядя в окно. Темновато еще, конечно, всего половина четвертого утра. Светать начнет через полчаса, не раньше, а уж пока развиднеется... Но у него больше нет физических сил находиться в обществе этой особы.

– У вас фонарик есть? – спросил он у писательницы.

Она покачала головой:

– Перегорел. Но можно свечку зажечь. А вам зачем?

Лев мученически завел глаза. Детективщица?! Можно представить, какие она там детективы валяет, если задает такие вопросы и забывает о вещах, которые элементарно имеют определяющее значение для расследования.

Свечку зажечь, бог ты мой! Лев представил, какой у него был бы вид в полчетвертого утра – со свечкой в руке шарящего у крыльца этой тихой, сонной «сталинки»! – и даже оскалился от злости. Никто – *никто!* – из жильцов дома даже носа не высунул на шум, который происходил у крыльца два часа назад, когда подстрелили этого злополучного Влада. Не выглянули даже обитатели боковой квартиры на первом этаже, чьи окошки находились буквально рядом с крыльцом. Ну ладно: выстрела они не слышали, его и писательница почти не слышала, и они с Саней – конечно, пистолет был с глушителем. Ну ладно: спали соседи так крепко, что их не разбудила суэта, которую подняли тут врачи и милиция. Кто-то и правда спал, но, по мнению Льва, причина гробовой тишины была куда проще: если и имелись свидетели, они не захотели себе лишних проблем, побоялись связываться с милицией, справедливо рассудив, что каждого из жильцов всяко допросят сегодня днем или вечером на предмет ночных событий, так что зачем по своей воле лезть в неприятности? Но можно спорить на что угодно: если некий типус начнет в тусклом свете занимающегося утра блуждать около их крыльца со свечкой в руке, каждый увидевший это жилец сочтет своим долгом непременно позвонить на улицу Ульянова, в ближайшую психушку!

– Лёвушка, у меня есть фонарь, – сказал Саня. – Причем очень мощный, так что пошарим и наверняка найдем или пульт, или ключи. Только... только я вот еще что хочу сказать – насчет детей. Может, Алёне детский голос вовсе не слышался? Может, этого Влада никакие не ученики, а собственные дети подстрелили? Я тоже тот рассказ Брэдли читал – давно, конечно. И не фиг на меня так пялиться, Лёвушка, – промолвил Саня с ноткой обиды, потому что друг детства на него и впрямь пялился. – Судя по всему, Влад за свою жизнь опасался. Скажете – нет?

Никто и рта не раскрыл, чтобы возразить. Прежде всего потому, что было совершенно очевидно: подстреленный человек по имени Влад и впрямь за свою жизнь опасался, и очень сильно. Иначе... иначе разве он носил бы под пуловером пуленепробиваемый жилет, который нынче ночью спас ему жизнь, и поэтому Влад оказался не убит и даже не ранен, а только лишь контужен?..

* * *

- Алло! Алло, я слушаю!
- Это я. Привет, подруга. Слышала уже, что с нами произошло? Или мне придется обрушить на тебя неприятные новости?
- Слышала...
- Ага, так, значит, он уже у тебя?
- Добрался, да.
- Настроение?
- Ну какое у него может быть настроение?!
- Понимаю. У меня такое же. Хоть плачь, хоть матерись. Ладно, плакать будем потом, а пока позови его к трубочке.
-!
- Это ты теперь так здороваешься? Живописно... Ну что ж, не повезло... Полный Илья Ильич Обломов.
- Кто?!
- Ладно, забыли. Как тебе удалось *оттуда* убраться?
- С трудом. Наплел такого, что... Пришлось такси вызывать, сплошное разорение.
- Ладно, кончай на судьбу плакаться, меня этим не проймешь. Цена обговорена, так что мое ты мне отдашь.
- Отдашь... сначала надо найти то, что отдавать!
- Найдем, не сомневайся.
- А что там случилось-то? Почему все наперекосяк пошло, я так и не понял?
- Да так, техника подвела. Кроме того, вмешалась сумасшедшая бабуля.
- Кто?! Ты чего несешь?! Не было там никакой бабули!
- В каком-то крутом детективе я читал, что так у профессионалов называются неучтенные привходящие обстоятельства, которые способны поменять даже самые тщательно отработанные планы.
- Я сразу говорил, что этот твой план – полное дерьмо!
- Ладно, быть непонятым и недооцененным – это мой удел. Я уже привык. Кстати, зря злобствуешь. В принципе, мы своего добились. Первый шаг сделан... ну, немножко вкривь и вкось, однако сделан. Меня сейчас гораздо больше другое волнует. О *нем* ничего не слышно?
- Ни хрена. Тишина гробовая. Ты знаешь, мы тут подумали: а может, он в Москву ломанул? И сейчас получает то, ради чего мы все это затеяли... Сдохнуть можно!
- Можно, но не нужно. Как он в Москву уедет? Без паспорта ни в поезд, ни в самолет не пустят.
- Есть автобусы.
- Точно не знаю, но, по-моему, на дальние рейсы билеты тоже продают по паспортам. Кроме того, у него денег нет.
- На вокзале туда-сюда шныряют деловые водилы и предлагают доехать до Москвы всего за двести рубликов. Уж такой-то суммой он мог разжиться... например, там, где торчал эти дни. Кто-то же его поил-кормил!
- Оно, конечно, так... Только ведь без паспорта ему в банке делать нечего. Кроме того, ключ у нас. Так что я не сомневаюсь: он все еще здесь.
- Где?!
- Не знаю. *Не знаю!* Думаю, мы плохо искали его явку.
- Да брось! Все записные книжки, все файлы в компьютере, все письма, записки, все книги перевернули, будто доллары искали между страницами...

– А мы ведь и правда искали доллары. И евро. И золотишко. Правда, виртуально, но ладно, мы их воплотим в жизнь, не сомневаюсь. Но ты знаешь, где мы не шарили?

– Ну?

– В фотоальбомах. Мне вдруг в голову пришло...

– Вдруг! Тебе – вдруг, а мне – давно. Мы с Нинулькой уже все альбомы перешагали, нет там ничего, никаких записок.

– А в фотоальбомах и не надо искать записки. В них надо искать фотографии.

– Не понял...

– А ты попытайся. Теперь позови к трубе Нинку, я ей скажу, что делать и кого надо на этих фотографиях искать.

* * *

Господи Боже, как сверкал на злосчастную писательницу Дмитриеву своими напряженно прищуренными глазами (Алёна так и не поняла, какого они цвета!) этот капитан, или майор, или как его там, следовательно, короче, который оказался бывшим одноклассником ее соседа, добрейшего Сан Саныча!..

Сей одноклассник был, мягко выражаясь, взбешен, ведь они не нашли ничего около крыльца – ни пульта, ни ключей, это раз; а во-вторых, там, где, по идее, должен стоять серый «БМВ» Влада (ну не полные же провалы памяти наблюдались у Алёны, она помнила, что Влад остановился напротив въезда под арку ее двора!), было пусто.

Любой нормальный человек мог сделать совершенно определенный вывод: тип, стрелявший во Влада, не сбежал со двора, когда там появилась милиция, а отсиделся где-то в тихом местечке (местечек этих здесь – не счесть: за гаражами, между сараями, за забором, в пышных кущах), а потом, дождавшись, пока станет тихо, элементарно пошел и пошарил около крыльца, поискав то, чего не догадался искать никто другой. И вышло совершенно по евангельскому завету: «Ищите и обрящите!» Обретя ключи или пульт, он спокойно открыл машину Влада, сел в нее и уехал туда, куда ему было нужно. К примеру, в какую-нибудь мафиозную организацию, где иномарки продают налево.

Такой вывод мог сделать человек нормальный. Однако этот буйный следователь с явно патологической наследственностью (ну разве могли умственно полноценные родители дать человеку по фамилии Муравьев имя Лев?! Муравьиный лев, есть такое кошмарное насекомое...), определенно жил в искаженной реальности. Он решил, что Алёна продолжает морочить ему голову, как морочила полночи. Видно было, что Лев Муравьев едва сдерживается, дабы не наброситься на нее либо с матом, либо с тумачами. Но вместо нее досталось безответному Сан Санычу: его друг детства рявкнул, что больше не намерен манкировать служебными обязанностями даже ради десяти лет обучения в одном классе в школе номер восемь, поэтому палец о палец не ударит, пытаясь спустить это дело на тормозах. Пусть расследованием покушения занимаются те, кому это по службе положено, они и будут теперь допрашивать свидетельницу, а может быть – тут Лев Муравьев сделал выразительную паузу – и соучастницу преступления!

Выпустив эту парфянскую стрелу, Муравьев ушел в соседний подъезд и Сан Саныча с собой утащил – как мальчика, за ручку! А измученная до полного обалдения Алёна еле-еле смогла подняться к себе, смыть косметику (вот и плати чуть ли не четыреста рублей за двустороннюю тушь «L'Oréal», вся эта дороженная и пышно разрекламированная тушь залегла у нее под глазами, а на ресницах остались только какие-то жалкие комочки!), из последних сил запихнуть себя под душ (вода смывает не только пот с тела, но и негатив с души) и уже в полубессознательном состоянии плюхнуться в постель – в шестом часу утра.

Несмотря на крайнюю усталость, а может быть, из-за нее, спала Алёна плохо и нервно, беспрестанно вскидывалась, хваталась то за телефонную трубку (мерещились звонки), то порывалась бежать к двери (чудилось, кто-то ломится), то пыталась выглянуть на балкон (якобы во дворе раздавались какие-то голоса), однако все это был суший бред: никто не покушался на ее покой, кроме растревоженного воображения и нечистой совести.

Кое-как подняв себя с постели в девять часов (с минуты на минуту должны были явиться из милиции – они ведь так и посулили, уезжая: завтра часов в девять ждите участкового или оперативника), Алёна приводила себя в порядок, стараясь не глядеть в зеркало. Понятно же, что ничего хорошего там не увидишь, так зачем зря расстраиваться? Оделась, подкрасила ресницы (уже другой тушью), выпила кофе, но ясности мыслям это не прибавило. Голова была словно даже не ватой набита, а каким-то барахлом... помнится, однажды, много лет назад – не менее, чем десять! – бывшая Алёнина свекровь купила на базаре по дешевке две огромные подушки – вроде пуховые. Дешевизной, впрочем, исчерпывались все их достоинства, потому что от них, во-первых, припахивало тухлятиной, а во-вторых, перья сбивались в комки, которые никакими силами, даже палкой, нельзя было разбить.

– Видимо, перо сыроватое. Ты их посуши! – предложила бывшая свекровь, и Алёна на двое суток вынесла подушки на балкон.

Без толку! Тухлятиной пахло еще сильнее.

– Да выкинь ты их, – предложил бывший муж Михаил. – Я тебе другие куплю, а мамашке ничего не скажем.

Наверное, так и следовало сделать... однако заядлой транжире Алёне вдруг стало жалко денег. Кроме того, тут пробудилась ее подавленная страсть к расследованиям. Все-таки зря она в свое время не поступила на юрфак и не пошла в следователи, ох, зря! Глядишь, что-нибудь путевое из нее получилось бы, может, даже звезда сыска, а не просто какая-то второразрядная писательница!

Впрочем, очень возможно, что ей надо было идти не в следователи, а в хирурги, ибо Алёна расследовала причину вонизма подушек не каким-то дедуктивно-индуктивным, а самым радикальным хирургическим методом: взяла да и распорола каждую по шву. Высыпала пух и перо в ванну – и едва не лишилась чувств от отвращения: оказалось, в подушках разлагались несколько куриных голов! Как они туда попали, по злему умыслу или по небрежности производителей, – неведомо, однако это был как раз тот случай, когда Алёна признала безусловное преимущество мужского ума над женским. Ей всяко пришлось последовать совету Михаила и потратиться на новые подушки, но кто бы знал, сколько потом времени она еще выковыривала перышки и пушинки из стока ванны и выплесосивала их из всех углов квартиры!

Запах и вид омерзительной начинки еще долго преследовал Алёну, и именно месиво обнаружила она в своей голове на другой день после приснопамятного посещения «Барбариса» и того, что из этого проистекло. Вообще говоря, мир приобрел очертания нелепейшие, и оттого Алёна совершенно не удивилась, когда, усевшись за компьютер и проверив электронную почту, вместо долгожданного письма от подруги Маши из Хабаровска получила послание от какого-то МОН. Вот так – ни имени, ни фамилии, одна странная аббревиатура. Или это французское местоимение «мой»? Мон шер, мон ами, мон плезир... Очень интересно! Тема послания была тоже чрезвычайно хороша собой: *Bp bcnjhbb ,ke;lfbq vjtq leib* .

Содержание вполне соответствовало сюрреалистической теме:

Xtkjdtxtcrbq hfpev – nb[jt? ntgkjt? venyjt ,jkjnw? d rjnjhjv vtkmntifn ujkjdfcnbrb – vsckb/Jndhfnbntkmysq ,tcgjhjljr!

Nfrjq ;t ,tcgjhjljr wfhbn d vbht j,sltyyjcnb/ Lhtvexbq? ntvysq ktc/ Gj-[jhjitve? vjb gbcmvs r nt,t cktljdfkj ,s ypdfnm @Bp bcnjhbb ,ke;lfbq vjtq leib d vbht j,sltyyjcnb@/ Llyfrj z jcnfyjdk.xm

yf ckjdt @leib@? gjnjve xnj jyf b cgjcj,yj c,bnm nt,z c njkre – b d nj ;t dhtvz yfcnfdbnm yf genm bcnbyysq/ <nj ckjdt – gthdsq ifu r hfpufllrt nt[pfuflljr? rjnjhst z yfvthty gthtl nj,jq gjcnfdbnm/ Hfyj bkb gjplyj ns gjqvtim? ns dc` gjqvtim///

Gjqvtim kb&///

Levf.? lf/ Dct-nfrb gjkj;tybt j,zpsdftn!

D rhfqyvtv ckexf – d cfvjv rhfqyvt! – z cfv jnrhj. nt,t ukfpf/ Yj – kbim pf vbu lj njuj? rfr pfrhsnm b[yfdtrb///

Lf? dc` ghjcj? vjt eckjdbt cejjdj? yj ytghthtrftvj^ bkb ns hfpuflltim vjb pfufllrb cfvf b njulf jcnfytimcz ;bdf? bkb epyftim peyftim ghfdle gthtl ntv? rfr d gjcktybq hfp djpytjldjdnm? xnj vukf? pfrhsdfdifz ndjq hfpev? nfr b yt hfctzkcfc m b yt lfkf nt,t djpvj;yjcnb epyfnn cxfcnmz/

Vyt ,eltn jxtym ;fkm? tckb///

Vyt E:E jxtym ;fkm/

Да... крутая абракадабра! Крутейшая! Но самое страшное: возникло ощущение, что нечто подобное она уже когда-то читала, вернее, видела, ведь прочитывать это невозможно. Видела, видела! Где? Когда?

Скорее всего, в каком-нибудь страшном сне о том, как ее комп загнулся и начал жить самостоятельной половой жизнью!

Каждый, кто имеет дело с электронной почтой, знает, что иной раз гиперпространство глючит, и тогда начертание писем при пересылке изменяется невероятным образом. Для спасения пользователей в «Outlook Express» существует меню «Язык», которое иногда способно преобразовать глюки в нормальный алфавит. Поэтому добросовестная Алёна сначала перебрала все варианты этого меню: и кириллицу ISO и Windows, и КОИ8-R, потом западноевропейский алфавит, потом оба греческих – ISO и Windows, потом пользовательский, турецкий и прибалтийский Windows, и т. д. Тексты после преобразования получались самые причудливые: даже целые цепи квадратиков выстраивались при применении какого-то из центрально-европейских языков! – однако ничего вразумительного не произошло. Абракадабра оставалась абракадаброй. Не помогло и применение электронного дешифровщика. Пришлось признать, что компьютерные глюки тут совершенно ни при чем.

Возможно, письмо было прислано Алёне из-за границы и представляло собой не компьютерную неразбериху, а просто-напросто некую иностранную речь? Ни на один из известных Алёне языков это не походило. Известными ей были английский – *more or less* и французский – *comme ci, comme ça*, а точнее, и тот и другой она знала *very bad* и *trés mal* ⁴. Впрочем, даже и с ее словарным запасом легко было понять: ничего похожего на английский и французский языки!

Она скопировала текст, включила «Word», сохранила письмо в «Моих документах» и запустила его в электронный переводчик, дав задание перевести с немецкого. После этого Алёна получила практически полное повторение всех прежних непоняток, среди которых мелькнуло вполне нормальное слово «тело» – в названии темы сообщения (название выглядело теперь так: Вр bcnjhbb ,ke;lfybq vjtq *тело*).

Дальше по-прежнему следовал непередаваемый набор букв... Хотя нет, слово «тело» мелькнуло еще дважды: @Вр bcnjhbb ,ke;lfybq vjtq *тело* d vbht j,sltyyjcnb@/ Jlyfrj z jcnfyjdk.xm yf ckjdt @*тело* @?

Начало фразы было повторением темы, но какой смысл в этом повторении?!

«Может, это финский какой-нибудь? – размышляла Алёна, тупо глядя на текст. – Или венгерский?»

Скорее это был древнехеттский или столь же древний шумеро-аккадско-вавилонский! Потому что невозможно было представить ни в одном современном языке (даже у племени

⁴ Более или менее (англ.), так себе (франц.), очень плохо (англ. ифранц.) .

Мумбо-Юмбо!) такого глобального сочетания согласных, какое встречалось тут на каждом шагу. А все эти ///, , ', ^...

Шифровка? Конечно, шифровка. Но как она попала в электронку Алёны? Зачем? Кто ее зашифровал и прислал? Как ее расшифровать? И нужно ли это делать? Возможно, сей неведомый МОН просто решил, выражаясь популярным словечком, приколоться? И Алёне, поломав немножко голову, следует пожать плечами и выкинуть эту дурь из компа? Конечно, именно так давным-давно поступил бы всякий нормальный человек, не обуреваемый склонностью к разгадыванию всех на свете (даже и не существующих!) загадок!

Кстати, надо нажать на «Ответить автору» и послать отправителю, этому приколисту МОНу, целое послание одних вопросов и восклицательных знаков! Как выражаются латиняне, *verbum sat sapienti!*⁵

Предвкушая маленькую красивенькую месть, Алёна снова открыла «Outlook Express» и только глазами захлопала, обнаружив: загадочное письмо *исчезло само собой*, его нет ни во «Входящих», ни в «Исходящих», ни в «Отправленных», ни в «Удаленных»! Спешный просмотр «Задач», «Заметок», «Черновики», «Календаря» и «Контактов», а также «News.scipnov.ru» тоже не дал никаких результатов. Диковинное письмецо пропало бесследно.

Ну что ж, Алёне приходилось слышать, что некоторые электронные послания программируются отправителем на самоуничтожение после прочтения, но... зачем, за каким чертовым бесом кому-то понадобилось посылать нечто подобное ей?!

И тут ее пронзила совершенно жуткая мысль: а что, если это был новейший компьютерный вирус?! И он заразил склонностью к харакири все файлы с ее жестких дисков?

Несколько мгновений Алёна бестолково металась около компьютера, не зная, что делать: немедленно перекопировать все свои тексты и заметки на дискеты, звонить компьютерщику Алексею, который иногда чистил ее электронику и подкручивал железо, или для начала запустить антивирусную программу?

Дискет чистых, конечно, не нашлось. Алексей, вспомнила Алёна, предупреждал, что до конца следующей недели уезжает в деревню к родне, а антивирус – вот он!

Она запустила программу, в страхе ожидая, что та не включится, зависнет, выдаст какую-нибудь жуткую информацию о летальном исходе компьютера, однако после двадцатиминутного мельканья всех файлов, живущих в стареньком Алёнином «LG Studioworks 5D», был вынесен утешительный вердикт: «Обнаружено вирусов – 0».

Малость успокоившись, писательница пожала плечами: все-таки это были шутки-прибаутки какого-то компьютерного забавника, а то и просто психопата. Можно спорить, что он посылал плоды своего свихнутого ума на все четыре стороны. И наверняка в финале было приписано: «Перешлите это письмо всем своим друзьям, и будет вам счастье!» Но с адресатом alena@pop.sci-nnov.ru ему очень повезло. Конечно, так легко, как эта самая alena, на всякую чепуху не *ведется* ни одна живая душа! Все-таки у нее явная склонность к ипохондрии, мизантропии и беспочвенной неврастении! А вернее всего, как уверяла всю жизнь мама, лень раньше Лены родилась. Ведь все эти детективно-компьютерные игры нужны Алёне сейчас лишь для того, чтобы отсрочить момент начала работы над новой главой нового – дамского, авантюрно-любовного, но, увы, совершенно не детективного романа.

Она посмотрела на часы... однако! Игры в расшифровщика длились долго, и сейчас уже полдень, а милиции нет и помину! Впрочем, может быть, они начали опрос с квартир нижних этажей и на третий, к Алёне, еще просто не дошли?

Она попыталась писать, но не могла сосредоточиться: все время прислушивалась к шорохам в подъезде. Вернее, там не слышно было ни звука, ни шороха, у них вообще тихий дом.

Но никто к ней в тот день так и не пришел... что характерно, и на другой день тоже!

⁵ Умный поймет.

При этом у Алёны возникло ощущение, что вокруг нее образовалась некая зона молчания. Не приходило писем по электронке (даже от чокнутых шифровальщиков), по телефону никто не звонил. Вообще никто! Ни одна живая душа.

Похоже, даже телевизор вступил в этот заговор и если не отключился, то стал показывать чрезвычайно плохо.

Просидев дома безвылазно двое суток и чувствуя, что начинает дичать, на третье утро Алёна набралась храбрости и позвонила соседу – тому самому, Сан Санычу. На счастье, он еще не уехал в свою проектную контору и вроде бы даже обрадовался, услышав ее голос.

– Как не приходила милиция? – удивился он. – Ко мне тоже не приходила, но я в этой истории сбоку припека. А к вам уж обязательно должны были явиться... странно! Таня! – окликнул он жену. – Ты не в курсе, в нашем подъезде милиция побывала? Ну, насчет тех выстрелов! Нет? Никто ничего не говорил? Слышите, Алёна? – Он снова повернулся к трубке. – У нас тоже тишина...

– Сан Саныч, ради бога, извините, – робко начала Алёна. – А вы не могли бы спросить у своего друга, у этого следователя – Льва, как там дела обстоят – с расследованием. А? Потому что у меня уже и продукты кончились, и в библиотеку надо, и завтра передача на радио, в которой я участвую... Если мне не удастся быть на передаче, я уже сейчас должна предупредить, чтобы кого-то другого пригласили, если успеют.

– Вы по радио выступаете? – воодушевился Сан Саныч. – А по какой программе? В какой передаче?

– По «Голосу Волги», а передача называется «Час доверия», это что-то вроде психологической консультации. Ведет настоящий психиатр, доктор, я там сбоку припека, типа свадебный генерал, но мне очень интересно.

– Обязательно послушаю! – пылко сообщил сосед. – А Левушке я прямо сейчас звякну. И сразу перезвоню вам.

«Прямо сейчас» и «сразу» растянулось на два с половиной часа, за время которых Алёна окончательно озверела. Беда в том, что у нее кончился кофе, без которого она не могла жить (у нашей писательницы была хроническая гипотония). Пила она кофе много, очень крепкого, а сегодня утром хватило только на полчашки. Нужно было как можно скорее бежать в магазин, чтобы приложиться к источнику сил и вдохновения и воскреснуть, но приходилось ждать звонка от соседа. А он словно в прорубь провалился! Конечно, можно перезвонить ему, однако Алёна никак не решалась. Ну вот позвонит она, а Сан Саныч подумает: «Что это она суетится? Наверное, дело все-таки нечисто, не зря Левушка так на нее ополчился! Наверняка она что-то скрывает!»

Ну да, она скрывала. Скрывала спор в ресторане «Барбарис» и мгновенное желание его проиграть, которое потом сменилось полнейшей противоположностью. Скрывала свое волнение при виде стриптизера, появившегося под песенку «It's now or never»; скрывала бессмысленно-пылкие взгляды в сторону танцующего Игоря; скрывала раздражение от тупой, непробиваемой настойчивости Влада, который мало что подстерег ее, мало что хватал все время за коленку в машине, не слушая ее откровенно злых отповедей, так еще и потащился следом за ней, и за мгновение до того, как его окликнул этот детский голос, за два мгновения до того, как раздался выстрел, Алёна вдруг с испугом поняла, что если он поднимется за ней в квартиру, она впустит его и все будет так, как захочет он...

Да, Алёна скрывала это. Ну какое отношение к делу имело томление одинокой женщины? Не большее, чем те несколько звонков, которые только и отвлекали от нее Влада, пока они ехали. Алёну же они забавляли, потому что Влад вместо нормальных «алло», или «слушаю», или «да», или чего-то столь же тривиального изрекал высокомерно:

– Н-да? Говорите!

Сама Алёна, особа привередливая, внешним приличиям придающая большое значение, немедленно бросила бы трубку, услышав что-то подобное, ну а корреспонденты Влада ничего, терпели...

Сначала Владу позвонила женщина: жена, а может, подруга. Ей он ответил с исчерпывающей интонацией:

– Не нуди, все будет в порядке. Приеду, когда смогу.

И отключился.

Второй звонок был от какого-то Сени, которому Влад «Господом Богом и честью русского бизнесмена» (такую формулировку Алёна слышала впервые, и она, конечно, не могла ее не поразить своей нестандартностью!) поклялся, что приедет подписывать договор «поутряночке, не позднее двенадцати». С точки зрения ранней пташки и типичного жаворонка Алёны Дмитриевой это был чуть ли не вечер, и она только собралась сказать об этом Владу, как раздался новый звонок.

Он, взглянув на дисплей, где определился номер, ощутимо помрачнел и нажал на сброс. Звонок умолк, чтобы возобновиться через минуту. А надо сказать, что звонок в мобильнике Влада был просто оглушительный, и не привычная классическая мелодия, а какие-то безумные удары гонга по мозгам. Влад, по всей очевидности, к ним притерпелся, поэтому переносил шумовую атаку спокойно, однако Алёна со стоном схватилась за виски:

– Какой кошмар! Выключите, ради бога!

Влад с явной неохотой поднес телефон к уху:

– Н-да? Говорите!

Помолчал, послушал, засмеялся...

– Слушай, ты с какой печки упал? – спросил негромко. – Четыре года прошло... И вообще, сговорились вы все сегодня, что ли, копать эту старую яму?

Опять молчание. Опять смешок:

– Я его просил помочь как друга. Как друга, понимаешь? Он что, жалеет, что я не умер? –

Пауза. – А... ну извини, я не знал. Во всяком случае, это были наши счета, так или нет? И теперь они закрыты. Так что – большой привет с большого БАМа!

Алёна удивилась до онемения. Давным-давно, в 1983 году, она, совершенно зелененькая журналисточка, сподобилась совершенно феерической командировки на Дальний Восток – в том числе на Байкало-Амурскую магистраль. У нее там случился незабываемый романчик с обворожительным монтажником-высотником, которого, по странному стечению обстоятельств, звали так же, как нынешнего объекта ее тайных вздохов, – Игорем. Да и вообще впечатлений от стройки века осталось множество – самых великолепных, заботливо лелеемых в нескораемых сейфах памяти. Правда, слово «БАМ» теперь стало сущим анахронизмом, многие вообще не знают, что это такое... Практически без разницы, сказать современному молодому человеку: «За Пьяною пьяны» или «Привет с большого БАМа». Он равным образом вытаращит глаза. И правильно сделает, ибо только профессиональные лингвисты и историки осведомлены о событиях 1373 года, когда войско ордынского хана Мамаю на речке Пьяне (в Нижегородчине, между прочим!) напало на пьяных русских и побило всех. Ну а насчет большого БАМа – это просто-напросто строчка из недолговечно популярной песенки 80-х годов прошлого века про каких-то идиотов-романтиков, которые «себе под нос твердят упрямо: «Большой привет с большого БАМа».

Впрочем, что удивительного, если Влад знает эту присказку? Они ведь с Алёной примерно ровесники.

В ту самую минуту, когда Алёна сделала этот логический вывод, Влад остановил свой «БМВ» (впоследствии сгинувший с этого места бесследно, так же как и БАМ сгинул из исторической памяти целого поколения!) напротив въезда во двор Алёны... и больше им было не до звонков. Вспомнила Алёна о них только сейчас и то лишь потому, что сама ждет звонка.

Да что ж этот Сан Саныч не звонит, интересно знать?! Ведь зависимость кофемана от кофе сродни наркотической зависимости! Недолго и до ломки дойти!

Нет, хватит деликатничать! Надо самой позвонить соседу! Давно пора!

Алёна схватила трубку и ахнула, увидев, что она лежит на аппарате чуть покосившись. Елы-палы, как говорил один старинный знакомый... Вот растяпа! Положила трубку неправильно! И даже если Сан Саныч набирал ее номер, телефон был все это время занят!

Она швырнула трубку на рычаг, и в тот же миг раздался звонок:

– Алёна Дмитриевна? Извините, – послышался обескураженный голос соседа, – но у вас все время занято было, а вашего сотового я не знаю...

Ближайшие минуты три Алёна только и делала, что беспрерывно извинялась, а Сан Саныч уверял, что ничего страшного, он даже с удовольствием...

Не без некоторых усилий Алёне удалось направить течение речи этого мазохиста в нужное ей русло и выяснить, что же сказал ему Муравьев.

И вот тут-то ей пришлось крепко поудивляться...

Судя по словам Льва Муравьева, дело о попытке покушения на бизнесмена Влада Сурикова (ого! все-таки удалось выяснить его фамилию!) было закрыто, даже не открывшись. Едва очнувшись от контузии, Суриков сообщил, что никто на него не покушался и не надо искать в темной комнате кошку, которой там нет. Всё случившееся – игра, инсценировка, устроенная на спор с другом. Имени его, разумеется, Суриков не откроет, условий спора – тоже. Это их частное дело. А какие у вас претензии, товарищи? Мы живем как бы в демократическом государстве, кто на что хочет, на то и спорит. Что? Вы инкриминируете мне ложный вызов «Скорой»? А разве я ее вызывал? Все претензии к этой, как ее... ну, к той барышне, которую я подвез из ресторана и проводил до подъезда, чтобы, не дай бог, к ней не прицепились какие-нибудь подонки. Впрочем, так и быть, я сам готов заплатить штраф за ложный вызов – но только «Скорой»! К вызову милиции я не имею вообще никакого отношения. Это безобразие – человек не убит и даже не ранен, а людей отвлекают по пустякам от выполнения работы! Сколько воров, разбойников и насильников совершили за это время свои преступления, оставшись безнаказанными!

– В таком же роде все остальное, – со вздохом сообщил Сан Саныч. – У Левушки от злости просто-таки судороги сделались, он до сих пор успокоиться от всей этой дури не может!

– А машина? – растерянно спросила Алёна. – Машину-то почему угнали?

– Никто ее не угонял, – вздохнул Сан Саныч. – Тот самый друг, с которым этот Суриков якобы спорил, сам же и уехал на его машине. У него были свои ключи.

– А куда девались ключи Влада? – не унималась Алёна. – Или пульт?

– А их не было! – хмыкнул сосед. – Он говорит, что у него часы настроены как пульт.

– Что, такое может быть?

– А почему нет? В наше время все возможно. Но это, конечно, должны быть очень дорогие, многофункциональные часы. Вот мы другу на день рождения дарили «Ориент-супер», так там...

При слове «Ориент» Алёну мигом взяла тоска. Штука в том, что она еще в прошлом году подарила божественному красавчику Игорю на день рождения часы, и именно «Ориент».

Разумеется, подарочек был сделан не бесцельно (строго говоря, это был род взятки), однако цели не достиг. Ехидная Жанна (чувство юмора у сей особы было просто-таки извращенным!) при виде «Ориента» промурлыкала этакую миленькую частушечку:

– Мне миленок подарил
Золотые часики,
И за это мне пришлось

Прыгать на матрасике...

Пропета частушка, само собой, была в присутствии Игоря, и бедняжка так напрягся, что Алёна встревожилась: как бы «миленок» с перепугу не вернул часы. Бесспорно: они ему очень понравились, но ох до чего Игорю не хотелось в благодарность за них прыгать с писательницей Дмитриевой на матрасике! Это было написано на его раскрасивой физиономии просто-таки аршинными буквами! Да, вместо того чтобы с помощью «Ориента» приблизиться к предмету своих тайных вожделений, Алёна сделала шаг вперед и два... нет, даже двадцать два шага назад. Пришлось напустить на себя просто-таки арктическую холодность, чтобы Игорь успокоился. Не скоро это произошло, не скоро они вернулись к той дивной смеси дружбы и флирта, которая составляла суть их общения... однако тяжелый осадок в душе Алёны сохранился. Теперь слово «Ориент» напоминает ей об этом несомненном любовном проигрыше. Так что она не испытывала ни малейшего желания выслушивать излияния Сан Саныча и грубым рывком вернула его к действительности:

– То есть получается, что расследования не будет?

– Получается, так.

– А что по этому поводу думает ваш приятель? Он верит в сию туфту со спором?

– А вы разве не верите? – осторожно, после крохотной паузы осведомился Сан Саныч, и писательница прикусила язык.

Стоп. Она сейчас находится во вполне реальной действительности, а вовсе не в одной из своих нетленок, где избыток вьедливости всегда на пользу. В жизни же следует придерживаться принципа: меньше знаешь – лучше спишь. Приятней оно и прелестней!

В самом деле: в пристрастии Влада к спорам Алёна убедилась на собственном печальном опыте. Почему не допустить, что и эта безумная история – всего лишь результат некоего спора? Мало похоже на правду? Но есть многое на свете, друг Горацио... Влад Суриков не производит впечатление человека, который спустит на тормозах обиду, тем паче – покушение на собственную жизнь!

Она поблагодарила любезного соседа, просила передать привет другу детства и простилась. На душе было как-то странно, в голове по-прежнему варилась густая каша... но через полчаса, после торопливой пробежки по любимому продуктовому отделу магазина «Этажи» и возвращения домой с большой банкой «Нескафе Голд» и пачкой «Жокея по-восточному», а главное – после принятия внутрь двух чашек черной гущи (одной с растворимым кофе, другой – с натуральным) жить стало легче, жить стало веселей.

Мысли прояснились. Алёна с большей снисходительностью взглянула на события приснопамятного дня и сочла их, строго говоря, подарком судьбы. Когда-нибудь она вернется к детективам, и эта история с Владом может послужить недурной завязкой для одного из них. Разумеется, стрелять в героя будет не какой-то там поспоривший приятель, а преступник... или мститель. Да, так лучше. Например, Влад устроил ему какую-то подлянку, ну, тот и решил с ним расквитаться. А пуленепробиваемый жилет Влад надел только потому, что предчувствовал беду...

Не бог весть как жизненно и правдоподобно, но кто ждет правдоподобия от дамского детектива?!

Выпив на всякий случай третью чашку кофе, Алёна вернулась к компьютеру и написала-таки очередную главу своего нового любовного романчика «Федра, или Преступная мачеха». Это был современный вариант истории бедняжки Федры, жены античного героя Тезея, безответно влюбившейся в своего пасынка Ипполита, и нетрудно догадаться, что Федра была совершенным портретом нашей взбалмошной писательницы, ну а Ипполит как две капли воды напоминал одного черноглазого танцора... с часами «Ориент» на загорелой руке.

* * *

*Из полета моих мыслей
вокруг моего тела*

Психологу-мужчине
психиатрической больницы в 2
г. Горького (Нижегород)
от находящегося на принудлении
пациента 1-го отделения
Простилкина К.

ЗАЯВЛЕНИЕ-ПРОСЬБА

Прошу Вас принять меня по вопросу оказания мне психологической помощи, которая, я уверен-знаю, возможна с Вашей стороны. Для внесения некоторой ясности я напишу несколько строчек в стихотворной форме, которые, может быть, станут отправной точкой нашего общения. ТО, что Вы прочитаете, уже не тайна давно, но пока еще секрет, т.е. я попрошу заранее никого не знакомить с содержанием этой просьбы.

Короче, знакомьтесь, а не читайте.

Я бога Дух его Уста
Моя фамилия – проста
Мозг – бога старый телеграф
Я доказателен и прав
В яичках спрятан генокод
Он мыслей наших всех завод
Код спрятан также в животе
Но мысли в нём уже не те
По телу дрожь у Вас идёт?
Опять здесь боговый завод!
Нам в теле дан такой орган
Какой не знают сотни стран
Гармошкой русской назван он
Гитары в нем сокрытый трон
Царица – русская душа
Но только с Духом хороша
По телу в орган – биоток
Бог с дураками очень строг
Короче ясно что-то Вам
До кучи в Ум я после дам
И жду с волнением отзыв
Сигнал подал – я не ленив
Короче лист идет к концу
Вручить его хочу гонцу
Сегодня – Вторник царский день
И Вам товарищ мой не лень
Потратить время на меня

Побыть у богава огня

Вроде – всё

Буду ждать

Только не верьте никому кроме меня только еще одной женщине я потом скажу кто она

Ответ на засыпку:

1 = F, и еще раз

7 = `

13 = k

15 = y

пока все

какого-то октября 20.. какого-то года

вторник?

* * *

– Ребята, через минуту вы в эфире, – послышался холодноватый голос Лады Ковровой – режиссера радиостанции «Голос Волги». – Приготовились, собрались. Юра, главное, не слишком долго отвечайте на звонки, ладно? Наш принцип – лучше больше, да лучше! Алёна, если будут вопросы к вам, сводите все к огурцу, хорошо? Я понимаю, что поклонников вашего творчества много, но у нас сейчас все-таки час психологической консультации, так что... поменьше литературы, побольше вашего жизненного опыта, каких-то интересных историй, психоанализа, понимаете?

Алёна кивнула. Она не видела Ладу, только слышала ее голос, но знала, что той отлично ее видно – вон за тем широким толстым стеклом находился режиссерский пульт.

Виртуозная барышня, что и говорить. Очень прозрачно намекнула на две бесспорные вещи: во-первых, мнения она о творчестве Алёны самого что ни на есть никакого, а во-вторых, с трудом терпит ее присутствие, так сказать, на борту радиопередачи. Но как бы ни гоношилась миниатюрная блондиночка Лада (может, у нее фобия к высоким шатенкам?), присутствие писательницы Дмитриевой на «Часе доверия» обусловлено желанием аудитории! Как только психолог Юрий Литвиненко начал дважды в неделю вести эту вечернюю передачу – некий вариант многочисленных «Телефонов доверия», расплодившихся в Нижнем в последнее время (поначалу был только один «телефон» – общий, потом народились «телефоны» отдельно для женщин, отдельно для молодежи, для склонных к суициду, для сексменьшинств, для алкоголиков, наркоманов, проституток... бог знает еще для кого!), поступило несколько звонков с просьбой привлечь к участию в передаче популярного писателя, желательно – женщину, желательно – Алёну Дмитриеву, которую, может быть, и не назовет всяк сущий в России язык, однако в Нижнем ее худо-бедно знают и мнение ее о психологических проблемах было бы интересно послушать. Руководство радиостанции сочло идею любопытной, Юрий Литвиненко ничего против не имел, так что Алёна уже второй раз приходила вечером на радио, чтобы в прямом эфире отвечать на звонки слушателей.

Впервые Алёна появилась в передаче три дня назад и, честно говоря, не слишком-то верила, что кто-то будет задавать ей вопросы... Однако две дамочки все же позвонили, выразили восхищение ее детективами и принялись допытываться, насколько они автобиографичны. Одну особенно интересовал роман «Любимое тщеславие», в котором героиня Алёны Дмитриевой отправляется в публичный дом (для женщин!), чтобы встретиться, как она думала, со

свидетелем преступления, однако... однако все кончилось для нее постелью со стриптизером по прозвищу Северный Варвар. Кроме того, Алёна рассказала в этом романе печальную историю своего расставания с мужем, знакомство с бесподобным психологом Алексом и еще много чего ⁶. С великим трудом Алёне удалось убедить слушательницу, что жизнь романтической героини не имеет к ее жизни никакого отношения. Это была сушая неправда, видимо, поэтому неизвестная дама ей не поверила и осталась очень недовольна, несмотря на то что Алёна потратила на нее уйму эфирного времени. Так что недовольство блондиночки Лады имело под собой веские основания.

Провинился перед режиссером и Юрий Литвиненко, который норовил вникнуть в проблему каждого дозвонившегося досконально и говорил с ним очень долго, в то время как лампочка на режиссерском пульте мигала беспрестанно, что означало: поступают новые звонки, желающих поверить свои беды психологу более чем достаточно.

Строго говоря, Юрий был даже не психолог, а психиатр со «Скорой помощи» – то есть не столько «переговорщик», сколько практикующий доктор. Надо сказать, что Алёна относилась к врачам со «Скорой» с величайшим пиететом, среди них у нее было немало добрых приятелей (и неприятелей тоже!), причем не далее как в прошлом году она вместе с этими приятелями-неприятелями затесалась в кошмарный политический скандал, после которого и решила распрощаться с детективным жанром ⁷. Однако, когда ей позвонил Юрий Литвиненко, представился и пригласил поучаствовать в «Часе доверия», она согласилась без раздумий – и не без корысти: наверняка авантюрно-любовные романчики ей скоро надоедят, опять захочется вернуться к детективу... а что может быть лучше, чем психологический детектив, а то и психологический триллер?

Юрий Литвиненко произвел на нее сложное впечатление. Это был высокий голубоглазый блондин нордического типа, с длинными волосами, завязанными в хвост. Правда, для того, чтобы называться белокурой бестией, он был слишком худощав, да и неправильное лицо его было лицом веселого интеллектуала, а это под марку бестии уж никак не подходит. Но что в первую минуту повергло писательницу Дмитриеву в немалую оторопь, это внешнее сходство Юрия Литвиненко с Михаилом Ярушкиным, ее бывшим мужем. Когда-то их любовь казалась Алёне чем-то неземным, невероятным и нескончаемым, однако она убедилась, что всё проходит, даже любовь. Бросил Михаил жену вульгарно... ну до того вульгарно, коварно, незаслуженно, что с той поры на высоких блондинов нордического типа она смотрела настороженно, общалась с ними не без опаски и откровенно предпочитала им черноглазых изящных брюнетов... на худой конец, шатенов с янтарными глазами, вроде своего бывшего бойфренда.

– Приготовьтесь, – послышался голос Лады. – Внимание, вы в эфире!

– Добрый вечер, – сказал Юрий в микрофон, глядя при том на Алёну и подмигивая, как будто здоровался именно с ней. – Мы снова с вами на передаче «Час доверия». Мы – это я, психиатр Юрий Литвиненко, и писательница Алёна Дмитриева. Меня положение обязывает разрешать всевозможные психологические проблемы, ну а каждый писатель, как известно, инженер человеческих душ, так что Алёне тоже карты в руки. Мы ждем ваших звонков по номеру... О, уже есть контакт!

Он переключил тумблер, и в наушниках Алёны зазвучал встревоженный женский голос:

– Доктор, скажите, пожалуйста...

Женщина поперхнулась – она с трудом сдерживала слезы.

– Минутку, – произнес Юрий Литвиненко с мягкой улыбкой. – У вас вопрос именно ко мне, я так понял?

– Да, конечно, я... – Она снова задохнулась.

⁶ Об этом можно прочесть в романе Е. Арсеньевой «Репетиция конца света».

⁷ Об этом можно прочесть в романе Е. Арсеньевой «Сыщица начала века».

– Еще минутку. Прежде всего успокойтесь. Не забывайте, вас слышу не только я, но и, как принято выражаться, миллионы радиослушателей. Наверняка среди них найдутся люди, которые искренне вам посочувствуют, однако не стоит забывать, что многие будут слушать вас с немалым злорадством. Так что возьмите себя в руки и...

– Да наплевать мне на них на всех! – закричала женщина так, что Алёна невольно ахнула: ее голос ввинтился в уши, словно сверло. – У меня дочка сегодня с собой пыталась покончить! Выпила тазепама и... еле откачали ее! Как она могла? Из-за какого-то парня, бог ты мой! У нас такая семья большая, мы ее так любим!

– Секунду, – сказал Юрий. – Сколько она выпила? Пачку? Две?

– А какая разница? – всхлипнула женщина.

– Большая, я вам потом объясню, какая, – пообещал Юрий. – Только вы мне сначала скажите, сколько тазепама выпила ваша дочь.

– Да сколько нашла. Упаковка, к счастью, была уже почти пустая, таблетки три она выпила, может, две. Разве в этом дело? Главное, что она хотела уйти от нас!

– А вот это вряд ли, – хладнокровно произнес Юрий. – Кто хочет – тот уходит. Вашей дочери сколько лет? Пятнадцать, шестнадцать?

– Семнадцать...

– Ну вот, уже большая девочка, должна понимать, что если от одной таблетки тазепама человек даже не засыпает, то от двух-трех никак не умрет. Уверяю вас, она просто хотела поиграть, пококетничать со смертью, семью взбудоражить, внимание к себе привлечь. А главное, она хотела, чтобы *он* узнал, как его любят, на какие жертвы ради него идут. Ее в больницу-то увезли?

– Да! В психиатрическую! – Женщина разрыдалась. – Боже мой, она была в таком состоянии... если она решилась на это, значит, ей было плохо, ей не хватало нашего сочувствия, понимания... Ее нужно было оставить дома, в семье, а ее увезли... запрут там в отдельную палату, словно буйную какую-нибудь, приставят надзирателя... Она такая нежная, ранимая, она непременно повторит эту ужасную попытку!

– О нет, вот этого не будет! – ухмыльнулся бездушный психиатр. – Я вам навскидку, даже не зная, в которую больницу ее увезли, совершенно точно скажу, что с ней произойдет. Во-первых, никаких одиночек и надзирателей: в наших клиниках не хватает отдельных палат для тех самых буйных, о которых вы изволили упомянуть, поэтому тратить их на девочек-истеричек вряд ли кто станет.

– Моя дочь не...

– Да-да, уверяю, вас, можете не сомневаться, у нее самая настоящая истерия. Короче, проснется она утром в общей палате, на очень... некрасивом матрасе. Белье ей дадут самое рваное, застиранное. Соседки у нее будут не бог весть какие приятные. Рожи там такие встречаются, что мизерабли господина Гюго! Хотя чаще всего внешность обманчива. Однако ваша дочь этого не знает... И вот она лежит на жуткой коечке в окружении жутких мордашек... а встать не может, потому что ее к кровати привязали, дабы не повторила ночью попытки решить – так в старину говорили! – себя жизни. Лежит голодная и холодная, никто к ней не подходит, никаких надзирателей нет, потому что у нас клиническая нехватка младшего персонала. Ждет врача, а врачи на обходе в других палатах. Я-то знаю, – усмехнулся Юрий Литвиненко чуть не с сытым урчанием, – мы этих истеричек всегда на закуску оставляем. Уверяю вас, уже через час ваша дочь начнет вспоминать о доме и о семье совершенно иначе, чем раньше! Она очень скоро поймет, где ей лучше. И закается повторять попытки мотать родным нервы из-за мальчиков. Не волнуйтесь – скоро вы получите нормального, послушного ребенка. Всего доброго, я готов принять следующий звонок.

Он щелкнул тумблером, и в следующий миг Лада уже включила музыку: консультации «Часа доверия» перемежались музыкальными номерами. Это были «БИ-2» с «Последним героем».

– Господи! – с наслаждением пробормотал Юрий. – Одна из моих любимых песен! – И тихонько запел:

Я больше не играю
Со своей душой.
Какая есть –
Кому-нибудь сгодится...

– Юра, большая просьба – быть милосердней с радиослушателями, – перебил его пение высокомерный голос Лады. – Если вы со всеми будете разговаривать в таком тоне, к нам никто не станет звонить.

– Станут, еще как! – заявил самоуверенный Литвиненко. – Этой мамане просто необходима была шоковая терапия, так же как и ее дочке. И вообще, – шепнул он, поворачиваясь к Алёне и снова подмигивая ей, – кто здесь психолог, я или она?

– И все же я вас попрошу начать следующий фрагмент передачи с каких-то общих слов, которые сгладят впечатление, – непреклонно сказала Лада. – Внимание, эфир!

– Может быть, у тех, кто слышал мой разговор с радиослушательницей несколько минут назад, создалось впечатление, будто я жесток и бесчеловечен, – дружески проговорил Юрий в микрофон. – Но это не так. Меня невероятно изумляет, что самоубийство из-за несчастной любви – социально одобряемое явление. Когда вы узнаете, что какой-то бизнесмен разорился и взрезал себе вены, вы скажете: ну и дурак! Не в деньгах, мол, счастье! А вот когда дурочка-девочка пьет снотворное из-за придурка-мальчика, это да, это возвышенно и прекрасно. Чушь! Дело в том, что у потенциальных самоубийц существует общее заблуждение: они убеждены, что некое лицо, из-за которого они совершают этот тяжкий грех и лишают себя жизни (любимый мальчик, любимая девочка, злая мама, разлюбивший муж и тэдэ и тэпэ), непременно почувствует жестокое раскаяние и будет терзаться им до конца жизни. А это далеко не факт. Всякий нормальный человек норовит как можно скорее избавиться от комплекса вины, который ему пытаются навязать, и поэтому несчастного самоубийцу ждет, скорее всего, забвение. Кроме того – господа, ну давайте же смотреть реальности в лицо! – ваша смерть – это не театральное представление, которое вы сможете посмотреть, сидя на облаке и свесив ножки вниз. Насладиться зрелищем того, как вы, бледная и прекрасная, в белом венчике из роз, лежите в гробу, а он, неверный, рыдает над вами, – не удастся! Вы ничего не будете знать, видеть, а если даже и увидите, узнаете, вам будет это по большому барабану, потому что душу вашу будут терзать такие кошмарные, такие чудовищные, адские мучения, что рядом с ними боль от разбитого сердца – это комариный укус против боли от выдираемого без наркоза зубы. Можете мне поверить, я вам это говорю как специалист, который имеет дело с попытками суицида – удачными и неудачными – уже не один год! – при этих словах Юрий постучал ногтем по циферблату своих часов, как если бы там были обозначены не часы, а именно эти самые годы. – Вот так-то, уважаемые радиослушатели. А теперь я готов принять новый звонок. Слушаем вас.

– Я бы хотел поговорить с Алёной Дмитриевой, – раздался негромкий шелестящий голос.

Писательница от растерянности охрипла и сначала выдохнула в микрофон что-то нечленораздельное, но все же кое-как справилась с голосом:

– Да, я вас слушаю!

– Скажите, как вы относитесь к памяти?

– Ну... хорошо отношусь, а что? – осторожно проговорила Алёна. Дурацкий вопрос какой-то.

Странный звук, вроде сдавленного вздоха.

– Скажите, если человек забывает старых друзей, прежнюю жизнь, ему следует об этом напоминать?

– Да бог его знает, – пожала плечами Алёна, хотя, разумеется, позвонивший этого видеть не мог. – Если это не трагические, не постыдные, не тягостные воспоминания, почему бы не освежить их в памяти? Но ведь чаще всего мы забываем не просто так, а по какой-то причине. Из чувства самосохранения, к примеру.

Снова сдавленный вздох. Неужели этот беспредметный разговор так уж волнует позвонившего?

– Не все можно объяснить в двух словах, – прошелестел голос. – Вам совершенно непонятно, к чему я клоню. Но сейчас одно могу сказать: иной раз человек даже не подозревает, что он забыл нечто, для себя жизненно важное. И долг тех, кто рядом с ним, помочь ему, оживить его память.

– Ну да, конечно... – проямлила Алёна, беспомощно глядя на Юрия Литвиненко: не подаст ли ей руку помощи?

Однако Юрий рассеянно крутил на запястье широковатый ему браслет часов и невидящим взором смотрел на циферблат. Наверное, был занят какими-то своими мыслями. Хотя в бок его пихай, словно на экзамене, и проси шпаргалку! Сама Алёна никак не могла уразуметь, что отвечать – а главное, не в силах была понять, о чем, собственно, обладатель этого, какого-то безжизненного голоса спрашивает!

– Я постараюсь оживить вашу память о забытом друге, о том, что было когда-то дорого сердцу, – прошелестел он. – Я сделаю это не позднее, чем... – И, не договорив, он отключился.

Раздалась музыка.

Юрий Литвиненко подмигнул Алёне:

– Я забыл вас предупредить, коллега. Немалый процент звонков на подобных передачах составляют обращения откровенных психов. О, «Високосный год»! Ну надо же, сегодня ставят сплошь мои любимые группы!

И негромко запел:

Он садится с нею рядом,
Он берет ее за плечи –
И причудливым узором
Засверкают его речи...
Слушай: там, далеко-далеко, есть земля,
Там Новый год – ты не поверишь! –
Там Новый год два раза в год...

* * *

*Что было написано
на некоем клочке бумаги*

– Червонцы золотые, 1898 года, проба 900, вес 8,6 г каждая – 86 штук. 86 x 100 \$ = 8.600 \$.

– Золотые монеты по 7,5 рублей, 1900–1903 года, проба 900 – 18 штук, 1800 \$.

- Золотые монеты по 15 рублей ⁸, 1898–1900 года – 14 штук, 1400 \$.
- Золотые монеты по 5 рублей, 1890–1903 года, 90 штук – на 9000 \$.
- Перстень золотой с бриллиантами, рубинами и сапфирами – 15 750 \$.
- Изумруд – 1500 \$.
- Итого драгоценностей антикварных примерно на сумму – 38 050 \$.
- Валюта – долларов 100 500, евро – 138 300.
- Всего около 250 000 долларов.
- Код 6 11 0 25...

Дальше обрвано

* * *

– Ух ты, как черемухой пахнет! – сказал Юрий Литвиненко, выходя вслед за Алёной на крыльцо бывшего проектного института на углу Ошарской и Белинки, где весь третий этаж занимала радиостудия «Голос Волги».

Было темно, безветренно. Во влажном воздухе пахло близким дождем.

– Вам куда, на трамвай, на троллейбус, на маршрутку? В какую сторону?

В прошлый раз Алёну подвезла домой Лада, однако нынче вечером писательница явно не заслужила такой милости: практически весь вечер в эфире солировал Литвиненко, и Алёна Дмитриевна присутствовала в студии чисто для мебели. Впрочем, Юрием режиссер тоже осталась недовольна: никакой серьезности! Ёрничает, подкалывает слушателей, как будто забавляется их проблемами. Никакой ответственности! И опять же – слишком многословен. За час поговорил всего с четырьмя звонившими. Лада нарочно задержалась в студии, дожидаясь, пока ведущие уйдут. Вот еще, развозить их, бензин тратить!

– Да мне всего четыре квартала: по Ошаре до Генкиной, а потом повернуть и до Ижорской. Я пешком.

– О, отлично. Я вас провожу, а потом сяду на троллейбус и поеду в свою Кузнечиху.

– Да не надо меня провожать. Тут же рядом. Я сама отлично...

– Ну да, конечно, – хмыкнул Юрий. – Сама, сама... Вы меня за кого принимаете? Ночью предоставить женщине идти одной! А вдруг волк? Я имею в виду, а вдруг разбойник какой-нибудь? Хотя, если честно, к вам никакой разбойник не привяжется.

– Вот так! – растерянно сказала Алёна. – Это почему, интересно?

– Вы как будто огорчены? – хохотнул ехидный Литвиненко. – Вы по сути своей не жертва. У вас нет жертвенного комплекса. Ваши страхи гнездятся в вашем воображении, а в реальной жизни вы настолько защищены своим энергетическим коконом, что любой разбойник о него расшибется.

Алёна изумленно уставилась на него.

– Не верите? – запальчиво спросил Юрий. – Или не понимаете, о чем речь? Попробую пояснить. В США существуют клубы жертв психологической поддержки изнасилований. Недавно читал: там среди посетительниц есть дамы, которых изнасиловали по два, три раза, а одну – аж пять раз. Это как же надо ощущать себя, интересно? То есть женщина к этому всегда морально готова, да? А что касается вас... Готов спорить, что на вас никогда в жизни не нападала ни одна собака – я имею в виду, которая лает или кусается, канис вульгарис. А если даже какая-нибудь дура тявкнула, то укусить не осмелилась. Так?

– Конечно. Потому что я их люблю и совершенно не боюсь. Они же звереют только от страха.

⁸ До 1917 года в России в самом деле чеканились монеты достоинством в 7,5 и в 15 рублей.

– Что и требовалось доказать. А как насчет эксгибиционистов, как их называют изысканные профи, а по-русски говоря, дрович? Не приходилось встречать?

– Да, конечно, приходилось. В Театральном скверике они иногда, так сказать, наслаждаются жизнью, но я их стараюсь не замечать. Они как-то... стушевываются от этого.

– Доказательство номер два! Вы их не замечаете – они и стушевываются. И что, ни один так и не приставал?

– Было дело, но давно. Я еще тогда в институте училась. Помню, шла вечером из библиотеки, уже поздно, часу в девятом, улица пустая, темная... зима была. Слышу, сзади кто-то пыхтит. Оборачиваюсь... у дядьки все хозяйство наружу! Караул, словом. А я тогда была глупая и невинная девица, совершенно не представляла себе, как *это* выглядит. Статуя Давида в Музее изящных искусств в Москве – вот все мое учебное пособие. Но *это* же на картинах и на статуях не изображают таким... в боевой готовности. Ну, короче, я стою и смотрю, как дурочка. А он, значит, ручками шаловливыми елозит по *этому* и стонет: «Ой, подожди, еще немножко подожди...» И тут мне так гадостно стало! И в то же время смешно. Говорю: «Ой, застегнитесь скорей, вы же простудитесь!» Он замер, на меня вытаращился... Потом всхлипнул: дура, говорит, такой кайф испортила! Пальто запахнул, отвернулся и ушел.

– А вы? – с неподдельным любопытством спросил Юрий.

– Что я? Я тоже ушла, – пожала плечами Алёна. – А что ж еще?

– Нет, я имею в виду, как вы себя после этого чувствовали? Страшно было?

– Страшно... – Она задумалась. – Нет. Очень стыдно.

– Стыдно того, что видели? – допытывался Юрий.

– Нет, стыдно, что кайф ему обломала, – сердито признала Алёна.

– Ага, значит, что-то от жертвы в вас все же есть, – констатировал Юрий. – Но при этом вы ловко умеете ломать шаблоны жертвенного восприятия. Что именно и нужно для того, чтобы избежать насилия. В этом ваша сила, ваша защита. Но если серьезно, не помешает носить с собой газовый баллончик. Или, к примеру, активировать тревожную кнопку на своем мобильнике. А лучше обезопаситься и так и этак.

– Тревожная кнопка – это где? – с любопытством спросила Алёна.

– Секундочку.

Юрий подвел ее к фонарю и вынул из кармана мобильный телефон. Это оказался «Siemens» – почти такой же серебристо-серебряный, как у Алёны, только более поздней модели.

– Вот смотрите. Лучше активировать ту клавишу, которую можно нажать даже вслепую. Например, у вас телефон в кармане или в сумке, вам придется вызывать помощь тайно от злодея...

– Ой-ой, мне уже страшно!

– Ничего, я с вами! – покровительственно сказал Юрий. – Но слушайте дальше. Удобно нажимать, к примеру, левую верхнюю кнопку. У меня она задействована на подсветку. Видите?

Он нажал на эту кнопку продолжительно, и дисплей осветился. Нажал на сброс. Экран погас.

– Теперь смотрите, что я делаю дальше.

Юрий нажал на клавишу один раз, потом, после небольшой паузы, – другой. На дисплее появилась надпись: «Подсветка». Большой знак вопроса и еще два слова – слева: «ОК», справа: «Изменить».

Юрий нажал крайнюю правую клавишу – выскочило меню. Перебрав его, Юрий активировал надпись «Абонентский номер» и снова нажал на выбор. Первая строка была 02.

– У меня здесь, видите, – номер милиции, – показал он Алёне. – Это уже было в программе телефона, но в принципе его и самому можно внести в «Справочник» обычным путем. Теперь нажимаем на «Выбор»...

На дисплее появилась надпись: «Быстрый вызов используется для абонентского номера». Тотчас картинка дисплея сменилась: теперь это была обычная эмблема MTS, только слева внизу обозначалась циферка 02.

– Видите? Теперь я могу вызвать милицию одним легким движением руки. Вернее, нажатием ногтя!

– Ловко, – кивнула Алёна. – Только пока-а еще милиция приедет! Я больше надеюсь на свой мощный энергетический кокон, которым, как вы уверяете, я защищена.

– Да ведь это – теория и, строго говоря, бесястость, – уже серьезнее сказал Юрий, пряча телефон в карман. – Энергетика, тэ-рэ пэ-рэ... всё это от лукавого. На энергетiku надейся, а сам не плошай. Ведь кто-то вполне может напасть сзади, это раз. Потом не стоит исключать людей свихнувшихся, одержимых бредовой идеей, натуральных маньяков или, условно говоря, настроенных убивать каждого пятого встречного. То есть тех, у кого и восприятие мира, и все инстинкты нарушены. Ну и ваших врагов сознательных не будем забывать... У вас враги есть, кстати? Те, которые были бы рады вашим страданиям, вашей смерти?

– Смерти? По большому счету, никому не нужна ни жизнь моя, ни смерть, – без особой горечи усмехнулась Алёна. – Я ведь совершенно одна в этой жизни. Страданиям моим, наверное, были бы рады некоторые братья-писатели. Не физическим – вряд ли они такие уж звери, а, к примеру, если бы меня перестали печатать или начали бы жутко ругать в прессе. Но, ей-богу, они изрядно преувеличивают мою популярность! Я не принадлежу к числу властителей умов. В этом вы сами могли сегодня убедиться во время передачи. Я заинтересовала только одного человека, да и тот порол такую чухню...

– Ну, раз на раз не приходится, – попытался утешить ее Юрий. – На прошлой передаче было два звонка, сегодня – один, а на следующей...

– Ни одного не будет, – проворчала Алёна.

– Вообще-то я хотел сказать, что будет три, – хохотнул Юрий Литвиненко. – А вы все-таки типичный рефлексирующий «Достоевский».

Алёна посмотрела на идущего рядом с ней человека с изумлением. Неужели он хоть что-то читал из ее романов?! Трудно себе представить. Их любят женщины, а мужчины считают занудными и чрезмерно психологичными. Впрочем, психологам и психиатрам именно это и должно нравиться!

– А... что вы читали? – спросила она робко, вспоминая самые удачные свои опусы.

– Ну, – пожал плечами Юрий, – то же, что и все: «Преступление и наказание», «Белые ночи», «Братья Карамазовы»... «Идиота» первую часть прочитал, а на вторую, правда, силушки не хватило.

Алёна поперхнулась.

– Но я имею в виду не творчество Достоевского, а что вы – «Достоевский» по психотипу, – пояснил Литвиненко. – Вы о соционике слышали когда-нибудь?

Алёна покачала головой.

– Да-а? – изумленно протянул Юрий. – Но я думал... Сейчас это вроде очень модная наука...

«Чертов псих, – помянула Алёна недобрым словом бывшего любовника, – не мог за эти два года найти время рассказать мне об этой несчастной соционике! А впрочем, когда мы бывали вдвоем, нам было категорически не до разговоров...»

– Ладно, тогда я в двух словах расскажу, – продолжал Юрий. – Соционика – это очень популярная психологическая наука, утверждающая, что каждый человек принадлежит к определенному типу. Типов этих всего шестнадцать. Кликухи у них, правда, достаточно поповские: Робеспьер, Достоевский, Жуков, Есенин, Штирлиц, Драйзер, Горький, Гамлет, Гюго, Лондон, Габен, Дюма, Бальзак, Наполеон, Гексли, Дон Кихот. – Он быстро проверил себя по пальцам, повторяя имена, и Алёна невольно усмехнулась: долговязый психиатр с этим своим длинным

хвостиком на затылке сделался похож просто-напросто на мальчишку. – Считается, что на протяжении всей жизни тип не меняется. Соционика описывает эти типы, межтипные отношения и взаимодействия внутри группы людей с определенными типами. Вот такая теория.

– Батюшки, – недоверчиво сказала Алёна, – да неужели при таком разнообразии человеческих характеров всего шестнадцать типов?!

– Вопрос правильный, – кивнул Юрий. – Все дело в том, что понятие типа в соционике гораздо более узкое, чем характер, чем вся психика в целом. Ставится вопрос лишь о том, какую информацию и каким образом человек воспринимает и усваивает, а вот выводы из этого можно сделать самые разноплановые. Поняли?

– Не-а, – честно призналась Алёна.

– Ладно, сейчас я вас нагружать теорией не буду, кратенько расскажу, почему назвал вас именно «Достоевским». Это этико-интуитивный интроверт. Интуитивист! Некоторые авторы называют его просто – Гуманист, другие – Психолог.

– Я – психолог? – пробормотала донельзя польщенная Алёна.

– А разве нет? «Достоевский» стремится понимать первопричины, механизм явлений: почему все происходит так, а не иначе. Никто лучше, чем «Достоевский», не подходит для исследования человеческой души и любви. Как правило, «Достоевские» с удовольствием решают трудные задачи. Чем труднее задача, тем больше она их увлекает. При желании мощным направленным воздействием может энергетически подавить агрессивные проявления любого человека. В обычных же ситуациях он – само спокойствие, лишь его внутренняя энергетическая наполненность ощущается постоянно. Он не терпит, когда что-то нарушает привычное течение жизни. Кроме того, у него, как у всех интуитивистов, легкая, стремительная походка. Ну как? Похоже на вас?

Алёна растерянно моргнула. Насчет походки – это факт, а не реклама, но вот насчет всего прочего...

– Как-то очень коротко, я толком не поняла.

– Ну, это дайджест, – усмехнулся Юрий. – Я же сказал: в двух словах. Про это целые книги написаны!

– А вы кто? Тоже «Достоевский»?

– Нет, я – «Робеспьер», – раскланялся Юрий.

– Господи, кошмар какой! – всплеснула руками Алёна.

– Это почему же кошмар?!

– Да ведь его сами французы называют кровавым чудовищем! – простодушно объяснила эрудированная писательница.

– Еще раз говорю, соционика – это условность. Чистая условность! – Кажется, Юрий немного обиделся. – На самом деле, «Робеспьеры» – это тоже интуитивисты, но при этом – сугубые аналитики, люди, во всем стремящиеся к совершенству. «Робеспьеры» не останавливаются перед препятствиями. Чей-то авторитет сам по себе для них не много значит, они могут принять чужие правила только в том случае, если видят в них пользу для своей главной цели. Им безразлично, как их поведение отразится на других. Из-за того, что они придают слишком большое значение своим собственным предвидениям и перспективным идеям, они могут упустить важные факты, не заметить слабые стороны своих идей и отдалить их практическое воплощение.

Алёна нахмурилась.

– По-моему, вы совершенно другой человек, – сказала она нерешительно. – Судя по вашим словам, «Робеспьер» вообще чужд душевных движений, какой-либо тонкости чувств, а вы все же психолог...

– Во-первых, я психиатр, то есть врач. «Робеспьер» любит исправлять несовершенства мира, так и психиатр пытается исправить несовершенства человеческой психики. Но далеко

не всякая сфера человеческой мысли и тем паче – душа подвластны «голой» логике. Поэтому «Робеспьер» по типу своему – весьма посредственный психолог.

– Ка-ак?! – ахнула Алёна.

Юрий засмеялся:

– «Робеспьер» берет не умением проникать в тонкости чувств, а тем, что навязывает человеку правила, по которым тот должен играть. Чаще всего правила эти выдумывает он сам, но очень классно умеет уверить подопытных, что это – общечеловеческие ценности и именно следование им приведет человека к счастью. «Робеспьер» – типичный начетчик. То есть так считает пресвятая соционика.

– А где про все это можно подробнее узнать? – нетерпеливо спросила не в шутку заинтересованная Алёна.

– Да в Интернете. Напишите слово «соционика» и кликните на «Поиск» – вам столько сайтов выкинет, что замучаетесь чи...

Юрий споткнулся, не договорив.

– Ах ты сучища! Бля-адь! – перебил его истошный крик.

Алёна оторопела. Придорожный куст, мимо которого они шли, внезапно ожил и ринулся к ней... да это не куст, это какой-то человек... согнувшийся, белое пятно лица... в руках нож!

* * *

Из дневника приема

Расшифровка магнитофонной записи

Пациент О.

– ...Давайте сразу определимся, хорошо? Вы считаете себя несчастным?

– Ну, как сказать... человек ко всему привыкает.

– Извините за вопрос, вы хорошо зарабатываете?

– Да нормально. Меньше тысячи за вечер не бывает. Обычно, конечно, больше. Чаевые, заказные... А что?

– Ну, раз вы мечтаете о браке, значит, уверены: денег содержать семью вам хватит. И ребенка могли бы сразу завести, да?

– Да, я хочу детей, нескольких детей. Моих заработков вполне достаточно, даже если жена какое-то время не будет работать. За эти четыре года я успел кое-что отложить, так что...

– Вы знаете, что в нашем городе зарплата в пять тысяч рублей в месяц считается очень хорошей. У нас, мягко говоря, не Москва.

– Пять тысяч? Не, это даже много. Да у меня знакомый парень в налоговой инспекции сидит на трех тысячах в месяц! И то доволен.

– Вот-вот. А вы пять тысяч можете вполне заработать за неделю. Ведь вы очень востребованы, так?

– Конечно. Я в нашем городе лучший в этом бизнесе, спросите кого хотите.

– Не обижайтесь за следующий вопрос. Может быть, тут имеет место быть обычная провинциальная снисходительность? К примеру, вы способны выдержать конкуренцию в Москве?

– Да. Я точно знаю. В Москве есть такой очень крутой клуб для женщин – «Красная Шапочка». Для богатых женщин! Они туда приходят оторваться как могут. Требования к сотрудникам там очень высокие, принимают только самых лучших. Я отправил туда свое портфолио, потом приехал на собеседование. Без проблем прошел! И мои программы подошли. Я мог бы уже работать там. А уж у них-то заработки – не чета нашим.

– И в чем же дело? Почему не работаете?

– Ну... мы договорились, что я с сентября начну, с нового сезона. Я сказал, что мне... что мне надо кое-какие дела в Нижнем уладить, что я сейчас еще не готов все тут бросить.

– Могу я поинтересоваться, какие это дела?

– Ну, мало ли... дела есть дела!

– В начале нашего разговора мы договаривались о максимальной искренности, помните. Это было неременное мое условие, без соблюдения которого я вам никак не смогу помочь. Напоминаю вам об этом. Вы мне сейчас правду говорите? В самом деле – решение только за вами? Поймите, мне это нужно точно знать, я не из вредности спрашиваю. Положа руку на сердце: они вам отказали?

– Да вы что? Говорю же, они за меня просто схватились! Я сам не захотел – не захотел сейчас к ним устроиться. В сентябре или туда поступлю, или в «Три мушкетера», это клуб сугубо для мужчин... такой, специфический. Там меня тоже смотрели и тоже готовы взять.

– Что значит – специфический клуб? Для гомосексуалистов, что ли?

– Ну да.

– Но как же вы...

– Я ж говорю, мне все равно.

– Я тогда чего-то не понимаю. Вы хотите жениться, завести детей. И при этом согласны работать в гомосексуальном клубе. Вы же понимаете, что там придется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.